Понятие латентной преступности

Содержание

Введение

Глава 1. Понятие и структура латентной преступности

1.1 Понятие и признаки латентной преступности

1.2 Структура латентной преступности

1.3 Социально-криминологическая природа латентной преступности современной России и факторы, ее детерминирующие

Глава 2. Особенности и характеристика латентной преступности военнослужащих

2.1 Специфика латентной преступности военнослужащих

2.2 Латентные преступления, совершаемые в боевой обстановке

2.3 Латентные преступления военнослужащих, сопряженные с применением насилия

Заключение

Литература

Введение

Актуальность темы обусловлена следующим. Оценка основных показателей преступности показывает увеличение количества совершенных преступлений и снижение численности выявленных. Это означает, что всевозрастающее число преступников остается на свободе, а в причинный комплекс преступности включаются все новые механизмы, продуцирующие интенсивный рост.

Наукой и практикой выявлено более 250 социальных, экономических, политических факторов, влияющих на уровень преступности в целом и латентной в частности. В условиях построения правового государства и формирования режима законности можно говорить о том, что одной из основных задач является изучение факторов латентности преступлений и их предупреждение.

Актуальность рассматриваемой проблемы определяется отсутствием до сих пор общепринятого представления о понятии и признаках латентной преступности. Современные программы борьбы с преступностью не предусматривают мер, направленных на предупреждение латентности отдельных категорий и видов преступлений, что существенно снижает их коэффициент полезности. Слабая выработка научно обоснованных методик выявления скрытых преступлений, неполнота их учета приводят к искажению знаний о тенденциях развития как отдельных видов преступлений, так и преступности в целом.

Подтверждением тому могут служить данные экспертных оценок, в соответствии с которыми на сегодняшний день фактическая преступность превышает уровень регистрируемой почти в 3,5 раза и составляет примерно 10-11,5 миллионов преступлений в год.

В свою очередь, отсутствие знаний о реальном положении дел затрудняет достоверность прогноза изменения преступности в будущем, крайне отрицательно сказывается на стратегии и тактике борьбы с

преступностью. Поэтому в основе борьбы с преступностью должна быть эффективная деятельность, осуществляемая с помощью комплекса мер общей, специально-криминологической и индивидуальной профилактики, направленная на контроль латентной преступности и снижение основных показателей. Это будет способствовать выработке конкретного и точного определения латентного преступления и его признаков, формированию упорядоченной деятельности по предупреждению данных преступлений.

Важность обращения к рассматриваемому явлению объясняется также и слабой научной проработанностью вопросов, связанных с латентной преступностью, рассматривающих ее в аспекте отечественного и зарубежного опыта. Необходимость совершенствования системы предупреждения латентных преступлений, выработка комплекса мер, способствующего эффективному предупреждению в данной области, определили актуальность данного исследования.

Вопросы, рассматриваемые в работе, на протяжении ряда лет являлись предметом исследования различных ученых как в нашей стране, так и за рубежом. Среди тех, кто внес свой вклад в изучение феномена латентной преступности можно выделить: А.М Алексеева, Ю.М. Антоняна, З.А. Астеринова, Н.А. Беляева, В.М. Быкова, Ф.Г. Бурчака, В.В. Вандышева, Н.М. Голикова, Е.П. Дьяченко, К.К. Горяинова, П.И. Гришаева, Л.М. Давыденко, И.Н. Даньшина, А.С. Зелинского, М. Йотсен, В.П. Казимирчука, А.А. Конева, И.И. Карпеца, Г.А. Кригера, М.И. Ковалева, В.Н. Кудрявцева, А.М. Ларина, В.П. Лукашевича, В.А. Лебедева, П.П. Мигулина, С.Ф. Милюкова, СВ. Позднышева, В.П. Рябцева, В.П. Сальникова, С.Г. Струмилина, СМ. Троицкого, И. Уоллер, Н.Г. Угрехелидзе, А.С. Шляпочникова, Т.К. Щеглова, Д.Е. Черника, А.С Чистякова, Д.А. Шестакова, Т.К. Щеглова и других.

Таким образом, целью данной работы будет рассмотрение и изучение понятия латентной преступности.

Объектом исследования в данной работе является – военнослужащие.

Предметом исследования является – латентная преступность.

В рамках поставленной цели работы необходимо решение следующих задач:

Рассмотреть понятие и структуру латентной преступности,

Исследовать особенности и характеристику латентной преступности военнослужащих.

Глава 1. Понятие и структура латентной преступности

1.1 Понятие и признаки латентной преступности

Преступность - сложное социально-правовое явление, в силу чего она изучается различными науками, исследующими ее отдельные стороны. Так, уголовное право дает представление о преступлении как уголовно наказуемом деянии; уголовно-процессуальное право рассматривает порядок, процедуру расследования преступлений; криминалистика - методы сбора доказательств, раскрытия преступлений; судебная медицина и психиатрия - влияние физического и психического состояния лица на совершение им преступления; социология - место и роль преступности в обществе, его отдельных структурных элементах.

Однако только криминология охватывает проблему преступности в целом. Данная наука изучает преступность как объективно существующее в обществе негативное явление, связанное с другими социальными явлениями, имеющее свои закономерности, требующее специфических форм и методов борьбы. Именно поэтому понятие преступности служит исходным положением для криминологической науки. Будучи стержневым элементом предмета криминологии, понятие преступности всегда определяло объем и границы научного поиска в сложном криминологическом комплексе многообразных явлений и процессов социальной жизни.[8]

Преступность - собирательное понятие. Она представляет собой социальное явление, включающее совокупность различных актов индивидуального преступного поведения. Однако для преступности свойственно преодоление этих индивидуальных черт и наличие общих для всех преступных деяний признаков, совокупность которых и определяет ее понятие.

Под преступностью в криминологии понимается социальное исторически изменчивое, массовое, уголовно-правовое, системное явление

общества, проявляющееся в совокупности общественно опасных уголовно наказуемых деяний и лиц, их совершивших, на определенной территории за определенный период времени. Причем преступность включает не просто множество преступлений. Их совокупность представляет сложное специфическое системно-структурное образование с многообразными взаимосвязями преступлений и преступников, разных видов преступлений и преступности в целом.

В приведенном определении преступности выражена ее сущность с точки зрения социально-правовой обусловленности этого явления. Структурные компоненты определения, отражая наиболее существенные признаки преступности, характеризуют ее содержание, реальное проявление (см. рис. 1.1).

Рис. 1.1

Социальная природа и социальная обусловленность преступности проявляются прежде всего в том, что она возникает из конкретных деяний, совершенных людьми в обществе и против интересов общества, их особого социального поведения. Преступность социальна еще и потому, что в основе поведения каждой личности лежат не биологические, а социальные причины, социально-экономические законы, обусловленные совокупностью сложившихся общественных отношений с их закономерностями и противоречиями. Это можно проследить на примере ошибок в социально-

экономической политике, которые были допущены в нашей стране в "период застоя". Нарушение органичной связи между мерами труда и потребления, искажение принципов социальной справедливости негативно сказались на морально-нравственном состоянии общества, в том числе и на уровне преступности. [11]

Сложившаяся в настоящее время социальная напряженность в нашем обществе, кризисные явления в экономике, политике, в социальной сфере, снижение авторитета органов власти и управления не замедлили сказаться на росте преступности, повышении степени общественной опасности отдельных видов преступлений. Особенно опасный характер приобрели организованная преступность, межнациональные конфликты, терроризм, сопровождающиеся гибелью невинных людей и актами вандализма и насилия.

Все это свидетельствует о том, что преступность и ее параметры тесно взаимосвязаны со всеми сторонами социальной жизни общества, и в первую очередь с теми трудностями и социальными коллизиями, которые противостоят общественному прогрессу.

Как социальное явление, преступность обладает определенными закономерностями, т.е. присущими ей, повторяющимися существенными особенностями, отражающими ее связи с иными социальными явлениями.

К таким закономерностям относятся объективный, непреходящий характер; ее зависимость от состояния общественного развития, степени стабильности общества, существующих в нем противоречий; усложнение в связи с развитием научно-технического прогресса, экономики, средств связи, компьютеризации. Закономерностями преступности также являются ее рост в обществе, ослабленном реформированием социально-экономических и политических отношений; ее качественные и количественные изменения в связи с потребностями общества в защите вновь возникших общественных отношений от преступных посягательств; ее самовоспроизводство и т.п.

Преступность как исторически изменчивое явление характеризуется тем, что ее возникновение связано с разделением общества на классы,

появлением частной собственности и образованием государственной власти. Признание исторической обусловленности преступности позволяет с полной достоверностью утверждать, что с момента ее появления в обществе она непрерывно изменялась, постоянно преобразовывалась, по-разному выглядели общая криминологическая картина преступности и ее уголовно-правовая характеристика. Это одинаково относится к криминологической характеристике преступности как в различных социально-экономических формациях (рабовладельческой, феодальной, капиталистической, социалистической), так и на отдельных исторических этапах. Постоянно изменялись ее уровень, динамика, структура, специфика причин и условий, оценка господствующими классами круга деяний, относимых к разряду преступных. [4]

Не была одинаковой преступность и за время существования нашего государства. Происходившие в стране социально-экономические, политические, социально-культурные и иные преобразования так или иначе отражались на общей криминологической картине преступности. Как только в обществе менялись общественные отношения, повышалась социальная напряженность, либо его постигали различного рода социальные катаклизмы и неурядицы, почти сразу в неблагоприятную сторону изменялся криминологический облик преступности. Криминализация и декриминализация отдельных видов посягательств на интересы и права тех или иных лиц определяются возникновением новых общественных отношений, потребностями общества в их защите.

Криминология рассматривает преступление как единичный акт человеческого поведения, существующий в одном неповторимом виде. В силу взаимообусловливающих обстоятельств преступление в конкретной обстановке может совершиться, а может и не произойти, т.е. носит случайный, неустойчивый характер. Преступность же, складываясь из отдельных преступных актов, образует явление, объективно отличающееся

от составляющих его частей. И в этой связи очень важным признаком преступности является ее массовость.

Преступность - это множество индивидуальных противоправных событий, которые в своей массе образуют негативное социальное явление, имеющее обобщенные статистические показатели и закономерности, характерные для всей их совокупности. При этом количественные характеристики преступности как массового явления обнаруживают устойчивость. В этом находит выражение действие закона больших чисел, заключающегося в том, что при достаточно большом числе единиц совокупности и некоторых определенных условиях случайные отклонения от общей нормы, свойственные отдельным единицам (в данном случае преступлениям), взаимно погашаются. В результате этого проявляется та или иная закономерность преступности как массового явления. Такая закономерность, либо, другими словами, характеристика преступности, не является случайной. Она носит устойчивый характер, и всякие второстепенные или побочные изменения не меняют ее сущности. [16]

Необходимость здесь прокладывает себе дорогу через массу случайностей, проявляет себя в качестве неизбежной силы.

Важной характеристикой преступности является ее уголовно-правовой характер, объединение в ней индивидуальных актов нарушения запретов, сформулированных в уголовном законе. Это позволяет отграничить преступность от иных правонарушений и аморальных поступков.

Выработанная историческим опытом практика показывает, что нельзя регулировать поведение людей в обществе, не оценивая их поступки и не устанавливая меру ответственности за их совершение. Уголовно-правовая оценка того или иного действия - это прежде всего результат отношения к нему со стороны государства. Основной смысл такой оценки состоит в том, что из всего многообразия действий и поступков человека (гражданина) выделяются и оцениваются в соответствии с интересами того или иного общества те из них, которые причиняют обществу наибольший вред,

обладают "общественной опасностью". Указанный признак является основным для оценки деяния в качестве преступного.

Уголовно-правовые категории и понятия являются основополагающими не только для науки уголовного права, но и для иных правовых и социально-правовых наук, в том числе и криминологии. При этом криминология должна создавать предпосылки и условия для обнаружения и установления в определенных социальных обстоятельствах тех явлений и процессов, которые порождают общественно опасный тип поведения. На базе этого и при наличии достаточных уголовно-правовых оснований проводится криминализация тех или иных общественно опасных деяний.

Криминологическая сущность преступности не может быть понята и без уяснения соотношения понятий "преступление" и "преступность". При этом следует заметить, что если понятие преступности является криминологическим, то понятие преступления - уголовно-правовым. Преступления, образно выражаясь, это кирпичики, из которых складывается все здание, именуемое преступностью.

Преступление обычно рассматривается в двух основных аспектах: как акт человеческого поведения и как уголовно наказуемое деяние. Среди множества наук, изучающих человека и его поведение, особым своеобразием обладает криминология. Ее задача не столько в том, чтобы зафиксировать и диагностировать последствия нравственно-правового отторжения личности, сколько в изучении и познании тех жизненных условий и обстоятельств, которые сделали эту личность криминогенной и позволили (разумеется, с учетом ее нравственно-психологического и волевого комплекса) признать преступной. [19]

Криминологический анализ преступления позволяет в определенной мере проследить социальную и генетическую природу последнего, распознать его движущие начала. Оценивая преступление в целом, необходимо иметь в виду его социально-правовую природу, взаимосвязь

юридического и социального. Указанные обстоятельства предопределяют особый криминологический подход к изучению преступления. При этом следует обратить внимание на два момента. Во-первых, с юридической точки зрения такой подход исключает необходимость выработки своего специального понятия преступления. Понятие преступления, данное в уголовном праве, включает все его правовые признаки, которые и для науки криминологии являются существенными. Во-вторых, с социальной точки зрения криминологический подход определяет анализ преступления как реального негативного общественного явления. Понятие преступления при этом выносится за рамки, очерченные уголовным правом. Поэтому в качестве существенного и обязательного условия выступает исследование социального содержания преступления и его взаимосвязи с тем, что его породило и что явилось его результатом.

Однако преступность не просто множество преступлений или даже их статистическая совокупность. Она по своей природе является специфическим системным образованием с многообразными связями преступлений и преступников, преступлений и видов преступности, с наличием собственных закономерностей, т.е. объективных, устойчивых существенных связей с различными социальными явлениями и процессами общества. Такой подход к пониманию преступности важен прежде всего потому, что позволяет подойти к ней как к сложному проявлению внешних и внутриструктурных связей, продукту социальной среды, несущему на себе отпечаток разных сфер жизни общества и жизнедеятельности различных групп и социальных общностей. С другой стороны, это позволяет рассматривать преступность как явление, обладающее относительной самостоятельностью, специфическими чертами. В частности, ее изменения не повторяют автоматически изменения внешних условий, а являются результатом их преломления через собственные специфические характеристики. При этом преступность способна оказывать обратное воздействие на условия социальной среды, породившие ее. [5]

Между всеми вышеназванными признаками преступности существует диалектическое единство. Изменение одной стороны преступности неизбежно ведет к изменению других ее сторон и, следовательно, преступности в целом. Между преступностью, ее видами и отдельными преступлениями существует диалектическая связь общего, особенного и единичного.

Завершая рассмотрение признаков преступности, следует подчеркнуть, что она представляет собой не просто абстрактное криминологическое понятие, сформированное из совокупности ее свойств и признаков, но реальное жизненное негативное явление общества, имеющее место на определенной территории, зафиксированное за определенный период времени.

Латентность преступности - одно из ее свойств; как справедливо отмечал Коган В.М., "тенденция к латентности так же свойственна преступности в целом, как стремление скрыть совершенное преступление свойственно отдельному преступнику".

На существование скрытой преступности указывали еще родоначальники ее статистического изучения, коими являются А.Ж. Кетле, Э. Ферри, Ф. Захаревич.

Так, А.Ж. Кетле говорил, что известна лишь часть совершающихся преступлений.

Э. Ферри отмечал, что даже из числа известных, обнаруженных преступных деяний более 65 процентов остаются безнаказанными. [39]

Русский криминалист Ф. Захаревич, касаясь вопроса достоверности статистических данных, характеризующих преступность, писал: "Увеличение цифры преступлений, оказывающихся в статистической таблице, часто есть только выражение лучшей системы, принятой для открытия их. Число арестантов, переданных в руки правосудия, не есть еще средство, вполне достаточное для числа преступлений, истинно совершаемых подобно тому, как число рыб, пойманных неводом, не указывает числа рыб, плавающих в

реке... Статистические цифры, взятые в массе, скорее должны считаться мерилами полицейской деятельности, чем состояния преступности в губернии или области".[18]

А. Кетле предлагает разделить ее на три категории: "обнаруженные преступления с обнаруженными преступниками; обнаруженные преступления с необнаруженными преступниками; преступления и преступники, оставшиеся неизвестными правосудию".

Э. Ферри полагает, что скрытая преступность "до некоторой степени зависит от большей или меньшей склонности населения доводить до сведения власти о совершаемых преступлениях или деяниях, кажущихся таковыми".

Как отмечал С.С. Остроумов, фактическая преступность значительно превышает число вынесенных приговоров, а это число, в свою очередь, всегда больше числа осужденных.

Отправной методологической задачей научного исследования проблем латентной преступности является определение понятия этого явления, уточнение его признаков и конкретных разновидностей проявлений. Это важно в связи с тем, что в криминологии все еще не установилось общепринятого понятия латентной преступности, что в известной мере препятствует решению других связанных с ним проблем и вопросов.

Термин "латентный" (лат. latentis) означает скрытый, невидимый, не проявляющийся.

Из энциклопедических словарей можно почерпнуть некоторые дополнительные признаки, характеризующие это явление:

- определенные действия, направленные на сокрытие, молчание о чем-либо и т.д.;

- свойство скрытности в характере человека;

- скрывать, не давать возможность и другим заметить что-либо, недоступность для взора. [31]

Одним из первых сформулировать понятие латентной преступности пытался В.В. Панкратов. По его мнению, скрытая преступность - это совокупность преступлений, не выявленных органами милиции, прокуратуры и суда и соответственно не нашедших отражения в учете уголовно-наказуемых деяний. Не соглашаясь с приведенным мнением, А.С. Шляпочников и Г.И. Забрянский выдвинули и свое определение скрытой преступности, согласно которому "латентными следует считать преступления, скрытые от одного из органов, которым по закону предоставлено право расследовать или рассматривать дела о совершенных преступлениях".

Определение А.С. Шляпочникова и Г.И. Забрянского страдает тем недостатком, что авторы, игнорируя признак "учтенности" преступлений, оставляют определенный простор для признания части скрытых от учета преступлений нелатентными. Было бы ошибочно считать, что выявленные либо установленные правоохранительными органами преступления автоматически попадают в разряд легальных. Такое стало бы возможным, если, в частности, не принимать во внимание далеко не единичные случаи необоснованных отказов в возбуждении уголовных дел, незаконных либо необоснованных их прекращений. Ведь на стадии выявления преступлений, особенно неочевидных, совершенных в условиях неочевидности, сложно прогнозировать что-либо в дальнейшей судьбе уголовного дела, будет ли оно раскрыто и насколько полно это удастся сделать.

В деятельности органов, ведущих статистический учет преступлений, имеют место случаи, когда по причине недостатков системы учета преступлений, преимущественно это проявляется при учете множественности преступлений, либо в силу должностной ошибки или злоупотребления определенное количество преступлений не находит отражения в сводных данных уголовной статистики. Такого рода факты могут значительно исказить достоверность данных о состоянии и структуре

преступности в регионе, что в свою очередь сказывается и на эффективности средств борьбы с нею.

Аргументом, подтверждающим значение признака "учтенности" для признания преступления латентным, может служить исследование Г.И. Забрянского. "На изученной территории, - пишет он, - было зарегистрировано 279 преступлений в году. Сплошное исследование уголовных дел и материалов по этим преступлениям показало, что совершено и подвергнуто расследованию не 279 преступлений, а 373. Разницу (94 преступления) составляют преступления, которые регистрации не подлежат. По предложенному нами порядку регистрации множественности преступлений, - отмечает далее автор, - они должны находить отражение в документах первичного учета".[18]

Приведенный пример - наглядная иллюстрация значения правильной первичной регистрации и учета преступлений. На небольшой территории в течение года из-за недостатков учета множественности преступлений остались неучтенными 94 преступления. Если этот показатель условно принять за средний, то не составит труда подсчитать уровень латентности на стадии статистического учета преступлений в более крупных территориальных масштабах.

Кроме А.С. Шляпочникова и Г.И. Забрянского, по одному лишь признаку "неизвестности", "невыявленности" преступления относят к латентным и некоторые другие российские криминологи. Так, А.А. Конев, помимо перечисленных преступлений, относит к латентным и "совокупность преступлений, обнаруженных с помощью целенаправленных оперативных и иных действий компетентных правоохранительных органов, хотя информация о них по каким-либо причинам и не поступила в эти органы...". В дальнейшем А.А. Конев внес коррективы в свое определение латентной преступности, придя к выводу, что "под латентной преступностью... понимается совокупность преступлений с неистекшим сроком давности, реально имевших место и повлекших возникновение уголовно-правовых

отношений, но по каким-либо причинам не ставших известными компетентным правоохранительным органам".[18]

Представляется, что приведенная точка зрения страдает одним существенным недостатком. Автор, ограничившись признаком "известности" преступления правоохранительным органом, сузил понятие латентной преступности, оставив вне поля зрения искусственно латентную ее разновидность, а также неучтенные уголовно-правовой статистикой преступления. В криминологическом отношении учет преступлений играет не меньшую роль, чем их выявление. Неполнота учета, в частности, способствует выбору неадекватных масштабам преступным проявлений мер борьбы с ними, а также ведет к искажению наших знаний о тенденциях развития как отдельных видов преступлений, так и преступности в целом. В этой связи следует согласиться и признать обоснованным высказывание А.А. Ковалкина о том, что "применение математических приемов и методов обработки криминологических данных по показателям уголовной статистики без учета латентной преступности дает неверные результаты, что дезориентирует ученых-криминологов и в определенной степени лишает выводы достоверности о связи преступности с другими социальными явлениями, затрудняет дальнейшее развитие криминологии".

Акутаев Р.М. считает, что "при определении момента возникновения уголовно-правовых отношений следует исходить из понятий правоотношений реальных и эвентуальных (последние при определенных обстоятельствах перерастают в реальные). Несомненно, наличие эвентуальных уголовно-правовых отношений следует связывать с таким юридическим фактом, как момент совершения предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния - преступления".[3]

Однако не всегда уголовно-правовые отношения перерастают из области возможного в область реальной действительности. Если бы это происходило в каждом случае совершения преступления, то говорить об

актуальности и значении разработки проблем латентной преступности, очевидно, не имело бы смысла.

В этой связи представляется справедливым замечание А.И. Санталова: "Не будь различия между моделью правового отношения и реальным общественным отношением, не было бы скрытой преступности, не было бы безнаказанности преступников, не требовалось бы деятельности по раскрытию преступлений и установлению виновных".

В юридической литературе можно встретить и такую точку зрения, согласно которой "латентной является преступность, не отраженная в уголовной статистике". Нетрудно заметить, что в основу этого определения положен признак "учтенности" уголовной статистикой совершенных преступлений. Так как учет преступлений является более поздним этапом уголовного судопроизводства, чем выявление (установление) преступления, то некоторые авторы склонны считать необязательным включать в определение латентной преступности признак "известности" преступления.

На первый взгляд может показаться, что использование при определении латентной преступности указанного термина является излишним, так как учтенность преступления как бы включает и признак его известности. Авторы, предлагающие ограничиться лишь признаком "учтенности" преступления, очевидно, принимают учтенность за последний рубеж латентности. И действительно, кажется ошибочным утверждение, что учтенное уголовно-правовой статистикой преступление может быть признано латентным. Однако если к определению латентной преступности подойти несколько шире, чем это принято в юридической литературе, с позиций субъектно-латентной разновидности проявления искусственной латентности преступлений, то есть относить к искомому понятию и совокупность нераскрытых преступлений, то правомерность и обоснованность такого утверждения, думается, не вызовет сомнений. [25]

Практика правоохранительной деятельности знает многочисленные факты формальной выявленности и учтенности преступлений без

фактического установления и привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных в их совершении. В подобных ситуациях, если исходить из необходимости реального претворения в жизнь принципа неотвратимости уголовной ответственности за содеянное и негативного воздействия преступления как на самого преступника, так и на иных граждан, налицо формальная учтенность преступления в сочетании с реальной ее латентностью. Указанного рода преступления следовало бы относить к категории латентных, так как латентная преступность, рассматриваемая как взаимодействие основных криминологических категорий (преступность и личность преступника), диалектически объемлет как латентность лица, совершившего преступление, так и латентность деяния, им совершенного. Здесь есть лишь формальное смешение понятий латентности преступления и латентности лица, его совершившего. По сути же слагаемыми скрытой преступности в равной мере являются совокупности тех и других. Это - две грани одного и того же явления, которые, взаимодополняя друг друга, дают возможность глубже раскрыть феномен латентной преступности. Без этого единства крайне сложно дать полную и всестороннюю характеристику латентной преступности, говорить о ее непосредственном влиянии на самопроизводство преступности. [28]

Приведенная точка зрения, касающаяся содержания латентной преступности, имеет сторонников не только среди ученых-юристов, исследующих проблемы скрытой преступности, но и среди тех из них, которые изучают социальную природу преступности в целом. Так, например, по мнению В.М. Когана, в преступность следует включить и преступников, виновных в совершении преступлений. З. Карабец считает, что помимо суммы действий правонарушителей преступность объемлет социальные, психологические и некоторые иные компоненты, определяющие действия конкретного преступника. По духу близки к изложенной позиции и суждения В.Н. Кудрявцева. Рассматривая понятие латентной преступности под углом зрения эффективности системы уголовной юстиции, В.Н. Кудрявцев

приходит к выводу, что "латентную (скрытую) преступность образуют преступления, не выявленные системой уголовной юстиции и потому не повлекшие применения мер ни государственного, ни общественного принуждения". При этом справедливо подчеркивается, что "уголовная юстиция в отношении этих преступлений бездействует; лица, их совершившие, остаются вне сферы деятельности данной системы".

Довольно широкая трактовка латентной преступности содержится в работе В. Холыста. К числу латентных преступлений он относит "преступления, которые вообще не стали известными органам полиции. К другой группе относят выявленные преступления с неустановленным преступником. Третью группу образуют раскрытые преступления, не повлекшие по процессуальным причинам обвинительного акта либо приговора. Четвертая группа - это преступления, по делам о которых имеется вступивший в законную силу приговор, но не все деяния осужденных были известны органам полиции и учтены в обвинительном акте ".

Сходную позицию по данному вопросу высказали авторы статьи "Проблемы выявления хищений социалистического имущества" В.Г. Танасевич, И.Л. Шрага, Я.В. Орлов. По их мнению, анализ латентной преступности может быть осуществлен в трех аспектах: криминологическом, криминалистическом и процессуальном. В криминологическом аспекте авторы понимают латентную преступность как совокупность преступлений, не учтенных уголовно-правовой статистикой, в криминалистическом - как "совокупность необнаруженных и нераскрытых преступлений", процессуальном - как содержащую в себе совокупность преступлений, совершение которых не повлекло юридических последствий. [34]

Можно согласиться с приведенным мнением о многоаспектной природе латентной преступности.

Однако определение латентной преступности с позиций необходимости реального осуществления принципа неотвратимости уголовной ответственности виновного лица приводит к выводу, что

составными структурными элементами скрытой преступности являются нераскрытые преступления, совокупность которых указанные выше авторы относят к одному из признаков криминалистического аспекта латентной преступности. Более того, криминологический аспект латентной преступности охватывает даже и те случаи преступлений, когда они официально считаются раскрытыми. Речь в данном случае идет о неполноте раскрытия преступлений: привлекаются к уголовной ответственности не все соучастники группового преступления, а лишь отдельные из них, - что образует субъектную латентность преступления, являющуюся составной частью искусственной латентности.

Криминологический аспект латентной преступности значительно шире и процессуального аспекта. По мнению приведенных авторов, если совершенное преступление повлекло за собой юридические последствия, то говорить о латентности в процессуальном аспекте нет оснований, так как процессуальный аспект латентности себя исчерпал. Между тем в подобных ситуациях в ряде случаев можно говорить о латентности в криминологическом аспекте. Это - факты незаконного отказа в возбуждении уголовного дела (формально это тоже следует отнести к юридическим последствиям преступления), незаконное приостановление производства по уголовному делу с последующим его прекращением, прекращение уголовных дел без достаточных к тому оснований и некоторые другие случаи.

Следовательно, можно сделать вывод, что криминологический аспект латентной преступности, если его рассматривать несколько шире, чем это традиционно принято, и не ограничивать его содержание лишь неучтенными уголовно-правовой статистикой преступлениями, включает в себя и криминалистический, и уголовно-процессуальный аспекты, не лишая их относительной самостоятельности применительно к пониманию латентности конкретного преступления, а не преступности в целом.

Можно выделить следующие признаки, характеризующие латентную преступность:

- общественная опасность указанного явления в силу его значительной распространенности и повторности;

- социальная природа латентной преступности, ее способность к изменению;

- массовый характер, обусловленный тем, что латентная преступность представляет собой совокупность незарегистрированных преступлений, которая, по оценкам экспертов, в несколько раз превышает зарегистрированную преступность;

- скрытость преступного деяния от одного из правоохранительных органов;

- пассивность социальной среды в реагировании на криминальные действия и отсутствие адекватной оценки;

- специфика структуры. Если в структуре зарегистрированной преступности преобладают средней тяжести и тяжкие преступления, то в структуре незарегистрированной (латентной) преступности преобладают деяния небольшой и средней тяжести. Значительный удельный вес в структуре латентной преступности занимают "преступления без потерпевших", к числу которых можно отнести преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, преступления в сфере экономики. Повышенной латентностью характеризуются также особо тяжкие преступления (например, тщательно планируемые и скрываемые убийства);

- возникшие уголовно-правовые отношения не стали предметом судебного разбирательства, а значит, процессуально не были реализованы;

- временные границы латентной преступности, устанавливаемые как уголовным, так и уголовно-процессуальным законом. Из состава латентных преступление может быть исключено при наличии следующих оснований:

1) регистрация в системе государственного статистического учета;

2) истечение срока давности привлечения лица к уголовной ответственности за совершение этого преступления. Указанная специфика латентной преступности обусловливает кумулятивный, или накопительный, характер указанного явления;

- региональные особенности латентной преступности, обусловленные концентрацией сил и средств правоохранительных органов, характеристиками населения, реальной практикой регистрации преступлений, сложившейся в рассматриваемом регионе. [29]

Также можно выделить следующие свойства, характерные для латентной преступности:

- стремление преступности (в лице преступников) к безнаказанности, а значит, к уходу от справедливого правосудия;

- разная степень отражения известности преступного деяния в социальной среде;

- порог насыщения скрытой преступностью и предельные возможности ее криминологических параметров;

- "способность" перехода скрытых преступных деяний из одного состояния - скрытости в другое - известность. [32]

Латентная преступность есть реальное объективное социально-правовое явление, которое детерминируется взаимообусловленным комплексом факторов, находящихся в сферах социально-экономических отношений, правовой и правоприменительной политики, общественного, группового и индивидуального сознания.

Для криминологического анализа признаков и показателей преступности важно иметь четкое представление об источниках соответствующей информации. В практической деятельности наиболее часто используются следующие из них: статистические отчеты о преступности, карточки на совершенное преступление, на лицо, совершившее преступление, на обвиняемого, подсудимого; результаты обобщения уголовных дел и материалов о преступлениях; данные социально-

экономической, социально-демографической и другой статистики; результаты криминологических исследований, а также изучения общественного мнения о преступности; сведения об иных правонарушениях (пьянстве, наркомании, проституции). Эти источники первоначальной криминологической информации служат отправной точкой для изучения преступности и познания ее существенных характеристик.

При всей важности и значимости названных источников они, к сожалению, не могут объективно и полно воспроизвести целостную картину преступности. Здесь встает вопрос о преступности, не нашедшей отражения в официальных статистических данных. Эту часть преступности принято называть латентной. Она представляет собой совокупность лиц и совершенных ими в конкретном регионе и в конкретный период времени преступных деяний, не зафиксированных в уголовной статистике.

Проблема латентности особенно актуальна не только для определения объема, интенсивности (уровня) преступности и выявления ее объективных показателей, но и как существенный криминогенный фактор.

Неотъемлемыми последствиями латентности преступности являются:

искажение представления о фактическом состоянии, уровне, структуре, динамике преступности, о величине и характере ущерба, причиненного обществу преступными деяниями;

препятствие реализации принципа неотвратимости ответственности за совершенные преступления;

рост преступности, особенно рецидивной;

снижение достоверности прогнозов преступности, затрудняющее определение основных направлений борьбы с ней;

снижение авторитета правоохранительных органов;

снижение активности граждан в борьбе с преступностью.

В латентной преступности обычно выделяются две части: скрытая преступность, не выявленная правоохранительными органами в силу специфики самих преступлений, отношения к содеянному со стороны

потерпевшего и иных обстоятельств; скрываемая преступность, не нашедшая отражения в статистических учетах в результате неправомерных действий должностных лиц правоохранительных органов. Если в первом случае акцент делается на нежелании потерпевшего или иных лиц, которым известно о преступлении, сообщить об этом компетентным органам, то во втором - на стремлении некоторых должностных лиц правоохранительных органов приукрасить положение дел в борьбе с преступностью.

Наиболее существенными факторами, обусловливающими существование скрытой преступности, являются:

- нежелание огласки интимных сторон жизни (особенно это характерно для такого вида преступлений, как изнасилование);

- малозначительность причиненного преступлением ущерба (мелкие хищения, кражи личного имущества граждан, когда потерпевшему причиняется не столь значительный для него ущерб; причинение легкого вреда здоровью и ряд других преступлений);

отсутствие времени у потерпевшего для подачи заявления и разбирательства случившегося;

неуверенность в неизбежности наказания преступника (такая неуверенность возникает потому, что у некоторой части граждан сложилось ложное представление о "всесильности" преступников и ограниченных возможностях милиции и других правоохранительных органов);

особые взаимоотношения потерпевшего либо свидетелей с преступником (родственные связи, зависимость по службе, боязнь разглашения преступником компрометирующих потерпевшего сведений);

боязнь угроз преступника совершить в отношении потерпевшего рэкет, похищение детей, насилие;

дефекты правосознания (некоторые потерпевшие рассматривают преступление только как нарушение их личных интересов, никак не связывая его с опасностью для общества и принципом неотвратимости наказания за совершенное противоправное деяние);

неблаговидное поведение потерпевшего (связи с преступником, при которых со стороны потерпевшего допускались отступления от норм нравственности и морали, а иногда и прямые нарушения закона, что в большей степени характерно для жертв мошенничества и вымогательства);

сложный, замаскированный характер преступных деяний (хищений путем присвоения, растраты, взяточничества, мошенничества и т.п.), затрудняющий установление правоохранительными органами самого факта совершения преступления. [24]

Следует отметить, что не все преступления обладают одинаковой степенью латентности. Меньшую латентность имеют умышленные убийства и причинения тяжкого вреда здоровью, а наибольшую - изнасилование, мошенничество, взяточничество, причинение легкого вреда здоровью.

Латентная преступность обусловливается теми же причинами, что и вся преступность. Однако наличие такой преступности и ее причины во многом определяются недостаточно эффективной деятельностью правоохранительных органов. Это относится не только к скрываемой (искусственной), но и к скрытой (естественной) латентности. Например, такая причина скрытой преступности, как неуверенность потерпевшего в неизбежности наказания преступника, имеет прямое отношение к недостаточной эффективности деятельности правоохранительных органов.

В настоящее время оценка состояния преступности производится в основном по статистическим данным. При существующей системе учета такие сведения не могут быть в полной мере достоверными. Особенно это касается преступлений с повышенной латентностью. Отсутствие достоверных данных не позволяет объективно оценить криминологическую картину преступности и особенно наиболее латентных ее видов, а также определить направленность основных усилий как в борьбе с преступностью в целом, так и с ее отдельными видами.

Существует ряд методов, позволяющих получить косвенные данные о степени распространенности видов преступности с повышенной

латентностью. Одним из них является опрос предполагаемых потерпевших по специальной анкете. На основе данных этого опроса можно, например, определить соотношение между выявленной и латентной преступностью в исследуемом регионе, установить мотивы сокрытия преступлений от правоохранительных органов, выявить обстоятельства, способствующие высокой латентности изучаемого вида преступности.

При анализе результатов опроса следует иметь в виду, что их нельзя прямо сопоставлять с данными уголовной статистики, поскольку в процессе опроса выявляется число потерпевших, а не количество преступлений и преступников. В то же время анкетирование позволяет сопоставить общее число потерпевших с теми из них, кто обращался в правоохранительные органы, и тем самым выявить удельный вес латентных преступлений.

Весьма полезные результаты можно получить путем сопоставления данных уголовной статистики и статистики административных и дисциплинарных правонарушений, гражданско-правовых деликтов. Если показатели статистики свидетельствуют о снижении числа фактов обмана потребителей, а, по данным торговой инспекции, их число, напротив, возрастает, значит, есть основания полагать, что растет латентность этого вида правонарушений.

Одним из методов выявления латентной преступности является анализ заявлений, жалоб, сообщений о преступлениях, поступивших в правоохранительные органы, в средства массовой информации, иные государственные органы, и сопоставление полученных результатов с данными уголовной статистики. Если граждане чаще всего жалуются на плохое обслуживание в сфере торговли, факты взяточничества, а, по данным уголовной статистики, не наблюдается роста названных ими преступлений, значит произошло увеличение их латентности.

Хорошо зарекомендовали себя на практике локальные методы изучения латентности. Например, сведения о количестве фактов причинения

вреда здоровью, полученные в поликлиниках, больницах, можно сопоставить с данными органов милиции, прокуратуры, суда.

Достаточно эффективным методом выявления латентности является ее экспертная оценка. С ее помощью можно получить достоверные сведения о соотношении между выявленными и скрытыми преступлениями.

1.2 Структура латентной преступности

Критический анализ научных публикаций по вопросу о понятии латентной преступности привел нас к выводу о справедливости утверждения о двойственной природе латентности рассматриваемого социального явления. В свое время на это было обращено внимание ряда специалистов. Причем эта двойственность природы латентности может быть обнаружена лишь при правильной отправной посылке исследования данного явления. Например, если исследовать латентную преступность под углом зрения полноты или неполноты статистического учета преступлений, то ни о какой двойственной природе латентности говорить не приходится. В этом случае латентная преступность может быть определена лишь как совокупность преступлений, не нашедших отражение в статистических данных о преступности.

Совсем иное дело, когда совокупность проблем латентной преступности, в том числе и ее определение, попытаться исследовать под углом зрения практической реализации принципов уголовной ответственности, служащих, как известно, не только правовой основой для совершенствования уголовного законодательства и теоретического осмысления вопросов уголовного права, но и практики борьбы с преступностью. В этом случае, особенно если в основу нашего анализа положить принцип неотвратимости уголовной ответственности за совершенное преступление, вырисовывается целый пласт латентных преступлений, которые не могли быть обнаружены при иной "фокусировке" взгляда на латентную преступность. Речь идет о так называемых

искусственно-латентных преступлениях или совокупности сокрытых преступлений, которые наряду с так называемыми естественно-латентными, или скрытыми, преступлениями образуют две взаимосвязанные структурные части латентной преступности в целом.

Говоря о естественно-латентной преступности, следует отметить, что она включает совокупность преступлений, а также лиц, их совершивших, информация о которых не стала достоянием органов и учреждений, регистрирующих их (преступления) и осуществляющих преследование и привлечение виновных лиц к ответственности, и соответственно не учтенных уголовной статистикой.

В зависимости от факторов, способствующих латентности преступлений, естественно-латентная преступность может быть представлена тремя структурными подгруппами. Первая из них включает совокупность преступлений, совершенных по неосторожности, точнее - преступной небрежности, когда лицо находится в неведении относительно уголовно-правового запрета либо иных юридически значимых обстоятельств своего поведения, хотя, как известно, подобное неведение не освобождает лицо от уголовной ответственности. Такие ситуации зачастую возникают при задержании лица, не осведомленного о запрете охоты на территории, где он охотился. Об этом могли не знать и очевидцы преступления, вследствие чего они не заявили о случившемся в правоохранительные органы.

Ко второй подгруппе можно отнести преступления, где потерпевшие не сообщают о них в силу незаинтересованности в выявлении (установлении) и предании огласке обстоятельств произошедшего. Например, при изнасиловании преступление во многих случаях остается латентным по причине нежелания потерпевшей оказаться объектом пересудов, компрометирующих ее. Подобное часто встречается и при совершении преступлений на бытовой почве, когда стороны криминального конфликта связаны родственными или иными близкими отношениями, которые как бы не дают им морального права "настучать" на своего. Подобное особенно

характерно для этнопсихологии горцев Северо-Кавказского региона. Кроме того, к этой же группе относятся и преступления, о совершении которых известно весьма ограниченному, предельно узкому кругу лиц либо только самому виновному лицу. Причем обе стороны преступных по своей природе правоотношений, как правило, не заинтересованы в их разглашении. Взяточничество, незаконное хранение наркотических средств, огнестрельного оружия и т.п., посягательства на лиц, находящихся в нетрезвом состоянии, как и посягательства на лиц с психическими расстройствами, которые не могут адекватно воспринимать и, соответственно, оценивать происходящее, - вот далеко не полный перечень преступлений, составляющих основу данной подгруппы.

Третью подгруппу составляют преступления, где вроде бы и нет отчетливо выраженной потерпевшей стороны, по причине чего некому заявить о случившемся в правоохранительные органы. Это особенно характерно для экологических преступлений, а также других, с обывательской точки зрения, "безобидных" преступлений, где затрагиваются общественные, по-прежнему рассматриваемые многими как "ничейные" интересы.

Вторая разновидность латентной преступности - искусственно-латентная включает совокупность как известных правоохранительным органам преступлений, но не учтенных ими, так и учтенных, но нераскрытых либо неполно раскрытых. В связи с определением искусственно-латентной преступности следует вспомнить, что в свое время при проведении крупномасштабного исследования латентной преступности в России, предпринятого ВНИИ МВД России в связи с проведением международного семинара по латентной преступности, рабочее определение латентной преступности, принятое на семинаре, включало и признаки искусственной латентности. Так, под латентными преступлениями понимались "деяния, содержащие запрещенные уголовным законом элементы, о которых не сообщалось в правоохранительные органы (незаявленные или неизвестные

правонарушения) либо сообщалось, но они не получили должной правовой оценки и реагирования в правоохранительных органах (скрытые)". И далее отмечается, что "общий уровень латентной преступности выступает как сумма уровней естественной (незаявленной) и искусственной (скрытой) латентности".[22]

Преступления, образующие искусственную латентность, могут быть представлены в двух подгруппах. Для преступлений первой подгруппы характерно то, что они не учтены органами, осуществляющими статистический учет преступлений, хотя информацией о них правоохранительные органы располагают, но она не реализуется в соответствии с требованиями закона. Достоверными сведениями об определенного рода совершенных преступлениях могут располагать те или иные учреждения, предприятия, организации, их контрольные или ревизионные подразделения. Соответственно, при желании правоохранительные органы могли бы получить и реализовать подобную информацию. Однако далеко не во всех случаях они к этому прибегают. "Большая часть латентных преступлений в области охраны труда, - отмечает Л.М. Давыденко, - составляют такие деяния, которые можно считать скрытыми лишь условно, так как сведения о них содержатся в официальных документах, хранящихся на предприятиях. Существование этой группы латентных преступлений связано с наличием недостатков в организации борьбы с данным видов преступлений". Вполне очевидно, что в сложившейся на сегодня криминогенной ситуации "условная" или искусственная латентность характерна не только для преступлений, посягающих на безопасность труда, но и для многих иных общественно опасных деяний. Кстати, это отмечается и в ряде появившихся в последние годы научных публикациях, а также в соответствующих разделах учебной литературы по криминологии.

Вторую подгруппу искусственно-латентных преступлений образуют нераскрытые (неполно раскрытые) преступления. Рассматривая латентную

преступность под углом зрения необходимости последовательного проведения в жизнь принципа неотвратимости уголовной ответственности за совершенное преступление, мы пришли к выводу, что к числу латентных проявлений следует отнести не только неизвестные (невыявленные, неустановленные, незаявленные) правоохранительным органам и не учтенные ими преступления, но и преступления, где лица, их совершившие, не были привлечены к уголовной ответственности. В этом случае можно говорить о так называемых субъектно-латентных преступлениях. Последние отличаются от иных форм проявлений латентности тем, что здесь "вещью в себе" остается не само преступление, а субъект, его совершивший.

Точка зрения о субъектно-латентных преступлениях как относительно широко распространенного проявления искусственной латентности имеет много общего, а порой и совпадает с позицией ряда ученых-криминологов, которые считают, что к латентной преступности следует отнести не только не известные органам правосудия преступления, но и деяния, по которым не удалось установить или разыскать виновного, хотя о самом преступлении соответствующие органы осведомлены.

Схожая позиция была высказана авторами "Курса советской криминологии". "Реальный уровень латентной преступности, - считают они, - определяется количеством преступлений, оставшихся вне сферы применения уголовного закона, числом безнаказанных преступников".

Выделение субъектно-латентных преступлений и самостоятельный их учет обусловлены еще и тем обстоятельством, что статистика лиц, совершивших преступления, не совпадает с данными учета количества совершенных преступлений. Это связано как со случаями соучастного совершения преступлений, так и с проблемой раскрываемости преступлений. Г.И. Забрянский правильно отмечает в этой связи, что "при большом количестве нераскрытых преступлений существенно может искажаться действительное количество преступников, совершивших зарегистрированные

преступления, поскольку лица, совершившие нераскрытые преступления, не находят отражения в статистических отчетах".[18]

1.3 Социально-криминологическая природа латентной преступности современной России и факторы, ее детерминирующие

Защита граждан от преступных посягательств является конституционной обязанностью Российского государства, реализуемой в лице его правоохранительных органов.

Складывающаяся криминогенная ситуация в современной России, вызванная высокими показателями преступности в ней, беспокоит сейчас всех. Это беспокойство все больше и больше перерастает в тревогу, порождает сомнение граждан в способности государства противостоять преступности в обществе.

Существенное негативное влияние на рост преступлений и их предупреждение оказывают состояние и динамика скрытой (латентной) преступности. Ее масштабы, как показывает практика, значительно шире и далеко не адекватны уголовно наказуемым деяниям, учитываемым официальной статистикой.

Так, например, многолетний мониторинг латентной преступности, проводимый коллективом НИИ Генпрокуратуры РФ под руководством С.М. Иншакова, на основе комплексной исследовательской методики приводит специалистов к выводу, что уровень фактической преступности более чем в семь раз выше уровня зарегистрированной.

Опасность латентной преступности заключается в том, что она снижает престиж органов уголовной юстиции, порождает неверие в их силы, в их способность защитить права граждан и обеспечить безопасность общества.

Отсутствие должной и объективной информации о преступности не способствует обеспечению правоохранительными органами всесторонней защиты и имущественной безопасности граждан, интересов государства и общества.

Латентная, безнаказанная преступность является мощным рычагом самодетерминации, источником самовоспроизводства, поскольку преступники, избежавшие изобличения и ответственности, с одной стороны, самим фактом безнаказанности стимулируются к продолжению преступной деятельности, а с другой - через механизмы социально-психологического заражения вовлекают новых лиц в орбиту противоправного поведения.

Как показывают результаты исследований, проводимых криминологами, латентная преступность складывается из двух основных частей: естественной и искусственной. Изложению факторов, детерминирующих последнюю из них, и посвящена настоящая статья.

Традиционно в криминологии под искусственно латентной преступностью понимают факты совершения криминальных деяний, сознательно скрываемые правоохранительными органами от учета и последующего реагирования на них.

Опасность распространения подобной практики определяется учащением случаев неполучения гражданами ожидаемой защиты от правоохранительных органов. В связи с чем в обществе в таких случаях развиваются альтернативные механизмы разрешения криминальных конфликтов.

Популярность подобного укрывательства стала возможной именно в нынешних условиях развития российской государственности как закономерный результат всеобщей бесконтрольности и безответственности, поразившей все структуры государства и общества.

По этому поводу Д.А. Медведев, будучи Президентом РФ, выступая на заседании коллегии Генеральной прокуратуры РФ в 2010 г., отметил: "Уголовная статистика, как и статистика в целом, довольно лукавая вещь.

Что абсолютно очевидно и о чем говорил в своем выступлении генеральный прокурор - надо навести порядок с первичной регистрацией. Как она осуществляется, мы сами знаем: сначала записали, потом подумали, потом выслушали пожелания вышестоящих начальников - и нет ничего. Не предлагаю сейчас конкретных мер по первичной регистрации, но эти меры должны включать в себя и процедурные элементы, и технологические решения. Только в этом случае мы будем с вами оперировать более или менее точными цифрами. Иначе у нас миллион преступлений - туда, миллион - сюда, непонятно, что вообще происходит".[36]

Наводит на мысль о некотором полумистическом характере публичных заявлений представителей власти о качестве борьбы с преступностью, в том числе и ее латентной составляющей, умозаключение А.И. Александровой и Р.А. Бостанова о том, что в правовом государстве результаты борьбы с преступностью не могут не носить избирательного характера. С одной стороны, власть в лице ее судебных и иных карательных институтов поддерживает значимость, психологическую и физическую осязаемость уголовно-правового запрета, демонстрирует практику реального насилия. Но с другой - воспроизводит ту самую реальность, которую якобы призвана ликвидировать. Это как нескончаемый спектакль на тему преступления и наказания; шоу, которое представляет ценность в силу самого факта своего существования. Оно призвано дать разрядку психическому напряжению от неудовлетворенного желания последовать преступному примеру.

По данным официальной статистики, ежегодно в нашей стране прокуроры выявляют порядка 140 тыс. укрытых преступлений. По результатам опроса прокурорских работников, проведенного представителями научно-исследовательского коллектива НИИ Генпрокуратуры РФ под руководством С.М. Иншакова, около 40% укрытых преступлений остаются невыявленными. Таким образом, определенное число совершенных преступлений укрывается сотрудниками органов внутренних дел и работниками контролирующих органов.

Около половины (52%) опрошенных указанным коллективом сотрудников правоохранительных органов указали, что от 5 до 10% укрытых в органах внутренних дел преступлений в последующем выявляются в ходе осуществления ведомственного контроля МВД России, и также практически половина опрошенных респондентов (48,5%) полагают, что такая же доля укрытых преступлений выявляется в ходе прокурорского надзора.

По справедливому замечанию Г.Ф. Хохрякова, искусственная латентность приобретает массовый характер в тоталитарных и авторитарных государствах. Известно, что в годы советской власти одним из способов "сдерживания" преступности было официально поощряемое укрывательство. Таким образом, "доказывались" преимущества социализма.

Из этого можно сделать весьма обоснованный вывод о том, что работа правоохранительных органов в современной России не лишена пагубных признаков одного из указанных видов режима управления.

Как отмечает Я.И. Гилинский, причина этого - стремление скрыть от населения истинные масштабы преступности, борьба за "честь мундира", желание "выслужиться" (чем "меньше" преступлений, тем "лучше" работает полиция), а то и выполнение прямого приказа "сверху".

На постсоветском пространстве правоохранительные органы оказались не подготовлены к тому стремительному росту преступности, к тем серьезным видоизменениям ее структуры, которые произошли в российском обществе в начале 90-х гг. На взгляд Р.М. Акутаева, это связано с рядом обстоятельств объективного и субъективного свойства.

Прежде всего, на выявлении с помощью оперативных средств преступлений не могло не сказаться резкое увеличение нагрузки на оперативных работников, что непосредственно связано с наблюдаемым в последние годы повышением криминальной активности. В силу этого значительно осложнилась раскрываемость тяжких преступлений, которые все чаще совершаются в условиях неочевидности, организованными

преступными группами, с тщательным сокрытием следов, а нередко и трупов.

К объективным обстоятельствам следует также отнести снижение профессионального уровня указанных подразделений правоохранительных органов. Причиной этого явился имевший место в последние годы значительный отток квалифицированных работников из оперативно-розыскных подразделений органов внутренних дел и службы безопасности в различные государственные и коммерческие структуры. Последствием этого стала утрата профессиональных традиций, преемственности, что практически сводит на нет усилия по повышению профессионального мастерства оперативных работников.

Опрошенные представителями научно-исследовательского коллектива НИИ Генпрокуратуры РФ под руководством С.М. Иншакова сотрудники правоохранительных органов России указали на следующие причины укрытия выявленных ими и заявленных гражданами преступлений:

- убежденность, что в случае возбуждения уголовного дела сбор доказательств будет настолько трудоемким, что некогда будет заниматься другими делами;

- уверенность, что в случае возбуждения уголовного дела доказать вину лица, подозреваемого в совершении преступления, не удастся (а это ухудшит показатель раскрываемости);

- сомнение в том, что человека, совершившего выявленное преступление, следует привлекать к уголовной ответственности;

- убежденность, что преступники с помощью каких-то коррупционных схем все равно уклонятся от ответственности;

- надежда на то, что укрывательством можно будет получить вознаграждение в какой-либо форме от лица, совершившего преступление;

- нарушение законодательства сотрудником правоохранительных или контролирующих органов в процессе выявления преступления (выявление преступления незаконным способом);

- угрозы, шантаж со стороны лица, подозреваемого в совершении преступления;

- боязнь мести со стороны лица, подозреваемого в совершении преступления (хотя он и не угрожал);

- указание или просьба в укрытии преступления со стороны руководителя;

- указание или просьба в укрытии преступления со стороны руководителей отсутствовали, но сотрудник знал, что регистрация этого преступления им не понравится, - в их отделе сложилась такая атмосфера. [25]

В качестве основных из вышеуказанных причин сокрытия определенного количества заявленных гражданами преступлений 26,7% сотрудников правоохранительных органов называют сложность доказывания вины подозреваемого, 23,2% - трудоемкость сбора доказательств, 11,2% - сложившуюся атмосферу в отделе внутренних дел, поощряющую практику укрытия.

Б.Я. Гаврилов со своей стороны выделяет следующие основные группы факторов, способствующие искусственному искажению криминологических показателей преступности в нашей стране.

Первая - это обстоятельства, связанные с необоснованными многолетними требованиями к органам правопорядка "покончить" с преступностью, а не установить реальный социально терпимый контроль над ней. Не имея объективной возможности реализовать данные требования, органы внутренних дел научились приукрашивать криминальную действительность, показывая себя в формируемых ими же сведениях в лучшем свете.

Вторая связана с раскрываемостью преступлений. Пришедшие с постсоветского времени требования повысить раскрываемость преступлений привели сегодня к ситуации, что если лицо, совершившее преступление, известно на момент обращения гражданина или организации в органы

внутренних дел, то заявление принимается, соответственно, возбуждается уголовное дело и преступление попадает в официальные статистические данные о состоянии преступности.

Если же подозреваемое лицо неизвестно, то заявление, сообщение о преступлении под различными предлогами милицией или не принимается вообще, или в лучшем случае по такому обращению может быть принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела - зачастую незаконно.

Третья - общество в интересах удовлетворения самых неотложных социальных и иных нужд вынуждено экономить на некоторых видах социальной практики, к которым относится и правоохранительная деятельность.

Четвертая - эффективность контроля над преступностью зависит от реальности задач, поставленных государством перед правоохранительными органами. А это возможно только на основе объективного знания фактического состояния преступности и реального отражения результатов работы правоохранительных органов.

В заключение хотелось бы обратить внимание на предостережение, высказанное С.М. Иншаковым, согласно которому скрывать показатели преступности и манипулировать данными, характеризующими ее, можно лишь в определенных пределах. Связано это со следующим:

- если преступность очень активно укрывать от регистрации, то весьма значительное число преступников остается безнаказанным, а это обусловливает вторичную детерминацию преступности и ее рост в таких масштабах, которые скрыть уже нельзя;

- неграмотный подход к манипуляции со статистическими данными может обусловить сокращение штатов, поэтому, как правило, к этому делу следует подходить весьма осторожно;

- сокрытие преступлений происходит эффективно на фоне относительной терпимости граждан. При переходе за пределы допустимого в

укрытии преступлений это может повлечь в обществе рост страха перед преступностью, недоверия к правоохранительным органам. [20]

Кстати сказать, последнюю характеристику отношения к себе со стороны общества отечественная правоохранительная система уже заработала. Так, согласно опросам "Левада-центра", полностью доверяют сотрудникам полиции только 20%, суду - 19% опрошенных граждан. Неполное или частичное доверие к указанным структурам испытывают соответственно 40% и 43%, полностью не доверяют 29% и 22% респондентов.

Глава 2. Особенности и характеристика латентной преступности военнослужащих

2.1 Специфика латентной преступности военнослужащих

Реальным показателем эффективности уголовной политики является характеристика фактической преступности, которая состоит из зарегистрированной и латентной. Исследования отдела латентной преступности и криминологического прогноза НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ показали, что скрытая (латентная) часть преступности составляет 5/6, а из латентной 50% составляет незаявленная, 40% - невыявленная, 10% - укрытая преступность.

В последние годы преступности военнослужащих присуща относительная стабильность состояния и уровня. Ежегодно военнослужащими совершается 20 - 30 тыс. преступлений, что составляет от 0,8 до 1,3% всей преступности в стране. Однако в отдельные периоды, связанные с обострением социально-экономических и политических противоречий, дезинтеграционными процессами, резким падением престижа воинского труда, наблюдался значительный рост числа правонарушений и преступлений военнослужащих всех категорий. Так, после распада Советского Союза одним из наиболее пострадавших государственных институтов оказались Вооруженные Силы. Если в 1991 г. количество зарегистрированных преступлений военнослужащих составило 31260, то в 1992 г. (при сокращении числа военнослужащих) - 40315, т.е. за год оно

увеличилось почти на одну треть. На преступность военнослужащих в 90-х гг. существенное (хотя и опосредованное) влияние оказала и общая криминогенная ситуация в России. Так, в 1994 г. на фоне сокращения всей преступности наблюдалось снижение и показателей зарегистрированной преступности военнослужащих, а в 1995 - 1996 гг., наоборот, их увеличение. Проводимое в последние годы реформирование армии, улучшение ее финансирования привели и к некоторым положительным результатам, в частности к сокращению объема преступности военнослужащих. В последние годы стабилизировался и ее уровень, который в настоящее время в 2 - 2,5 раза ниже, чем в целом по стране (около 700 преступлений на 100 тыс.). В то же время отмеченные тенденции стабилизации преступности военнослужащих не в полной мере отражают ее реальное состояние в связи с достаточно высокой латентностью. Помимо общих причин латентности преступности, на сокрытие от регистрации преступлений военнослужащих негативно влияют высокая степень закрытости воинских формирований и объектов, а также строгая ответственность командного состава за противоправное поведение подчиненных, среди которых преобладают мужчины молодого возраста, отличающиеся повышенной криминальной активностью.

Зарегистрированные статистические данные о преступности в воинской среде необходимо анализировать с поправкой на латентность, при этом учитывая специфику деятельности и комплектования войск, возможные изменения их количества и другие особенности функционирования военной составляющей России. В 1992 г. в армии интенсивно шли процессы сокращения кадров. За период с 1991 по 1994 г. число военнослужащих уменьшилось вдвое: с 3,5 млн. до 1,7 млн. В этих условиях, по мнению С.М. Иншакова, несмотря на официальные цифровые показатели, имело место не снижение уровня преступности, а ее рост. Данный автор также отмечает, что, как полагают некоторые участники "чеченских событий", латентность преступлений в войсках (в 1994 - 1996 гг.) была очень велика, поскольку

регистрировалось примерно одно из пятнадцати преступлений военнослужащих. При этом, по мнению некоторых авторов, вероятность стать жертвой преступления в армии примерно в пять - десять раз ниже, чем "на гражданке".

Большая латентность неуставных действий подтверждается исследованиями и таких криминологов, как И.М. Мацкевич и В.Е. Эминов, которые пришли к выводу о том, что латентность неуставных отношений в нашей армии составляет 1:300 (на одно зарегистрированное преступление приходится 300 незарегистрированных). Высоколатентными преступлениями традиционно считаются взяточничество, вымогательство, неуставные взаимоотношения и др. Согласно исследованиям некоторых авторов, латентными остаются по меньшей мере 35,2% уклонений от военной службы и 30,7% неуставных взаимоотношений, но лишь 8% военнослужащих заявляют о насильственных действиях по отношению к ним. [19]

Исследователи также отмечают, что нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими в воинских частях, как правило, регистрируются лишь тогда, когда командование не имеет возможности их скрыть в связи с последствиями деяний: когда самовольно оставивший часть военнослужащий в ходе следствия по уголовному делу заявляет о неуставных отношениях как основной причине своего "бегства" из части; когда в результате неуставных отношений потерпевшему причиняется средней тяжести или тяжкий вред здоровью, требующий стационарного лечения, влекущего за собой факт сообщения об этом из медицинских учреждений в правоохранительные органы, или наступает его смерть; когда доведенный да отчаяния неуставными отношениями военнослужащий пытается покончить жизнь самоубийством или расстреливает своих обидчиков, находясь в карауле, и т.п..

Указанное утверждение подтверждается тем, что количество официально зарегистрированных преступлений, квалифицируемых по ч. 1 ст. 335 УК РФ, нередко значительно меньше тех же деяний, имеющих серьезные

последствия (ч. ч. 2, 3 ст. 335 УК РФ). Представляется, что не может существовать такое положение, при котором опасные преступления совершались бы в 3 - 4 раза чаще, чем менее опасные той же категории. Данный статистический казус противоречит закономерности распределения преступности и свидетельствует о большом количестве латентных, скрытых неуставных действий.

Как показали исследования А.И. Долговой, именно в совокупности преступления обнаруживают немало новых свойств, выявляя определенные соотношения между разными преступлениями. Так, при снижении числа выявляемых и регистрируемых фактов легких телесных повреждений, истязаний, побоев и преступлений, связанных с ношением оружия, увеличивалось число тяжких преступлений против жизни и здоровья. Некоторые авторы обращают внимание на подобную взаимосвязь между преступлениями, связанными с уклонением от прохождения службы, и преступлениями, связанными с причинением телесных повреждений. Объективные данные о судимости военнослужащих за совершение воинских преступлений свидетельствуют о том, что более половины воинских преступлений составляют уклонения от военной службы. Похожие данные имеются и в других источниках: преступления, связанные с самовольным оставлением воинской части либо иным уклонением от исполнения обязанностей военной службы, достигают примерно 40% среди иных правонарушений (т.е. не только воинских, но и общеуголовных). Между тем фактическая безнаказанность даже за мелкие нарушения косвенно обусловливает совершение более опасных преступлений, в т.ч. уклонений от военной службы. Однако за неуставные действия и иные преступления, сопряженные с применением насилия, из года в год к уголовной ответственности привлекается гораздо меньше военнослужащих, чем за уклонения от военной службы. Анкетирование, проведенное среди военнослужащих нескольких воинских частей, в т.ч. дисциплинарных, свидетельствует о том, что от 9% до 35% респондентов говорят о возможной

самовольной отлучке или оставлении части на почве неуставных отношений. Однако до суда доходит лишь небольшая часть подобных дел, поскольку часто не находится достаточных доказательств неуставных действий, мешает "круговая порука" военнослужащих и т.д. [23]

Некоторыми исследователями отмечено, что количество латентных неуставных действий, повлекших совершение уклонений от военной службы, достаточно велико. К примеру, в 1998 - 1999 гг., в ходе проведения Главной военной прокуратурой операций "Явка с повинной" и "Беглец", в правоохранительные органы явились разыскиваемые за совершение уклонений от военной службы 13128 лиц, из них 6695 военнослужащих (50,2%) вынуждены были оставить место службы в результате антиуставных проявлений в подразделениях.

Многие факты совершения военнослужащими преступлений, сопряженных с применением насилия, остаются без реагирования со стороны командования, т.к. часто скрываются командирами. В целом можно говорить о пагубной роли распространения неуставных форм взаимодействия между военнослужащими, что, по мнению некоторых авторов, ведет к криминализации и дестабилизации управления войсками.

При этом фактор пассивности всех категорий военнослужащих также способствует латентности преступлений в армейской и флотской среде. С правовой стороны пассивность является специфическим нарушением воинской дисциплины, хотя в определенных случаях возможна и уголовная ответственность (например, неисполнение приказа начальника, причинившее вред интересам службы, является преступлением). По мнению некоторых авторов, это, наряду с другими факторами, приводит к значительной латентности правонарушений и преступлений среди военнослужащих: 88% военнослужащих не считают пассивность в укреплении дисциплины одним из видов ее нарушений, а 72% не признают активное участие в повышении уровня дисциплины своей служебной обязанностью. При этом только 36% опрошенных офицеров считают, что в их коллективах создана нетерпимая

обстановка для нарушителей дисциплины, 14% не имеют реального представления о том, какой вред несет их пассивность воинской дисциплине, а потому не считают необходимым бороться с ней.

Отсутствие должной воинской дисциплины и правопорядка в частях, пассивность, ненадлежащая гражданская позиция, низкое правосознание приводят к тому, что военнослужащие не пытаются пресечь неуставные действия сослуживцев либо доложить о них командованию. Из 1000 военнослужащих - свидетелей проявления неуставных отношений только 12% пытались помешать нарушителям, 51% в душе осудили казарменных хулиганов, но ничего не предприняли, а 16% заняли позицию "моя хата с краю", заявив, что это их не касается.

Исследования воинской преступности показали, что в предыдущие годы наличествовали неблагоприятные тенденции в динамике латентности неуставных отношений, которая не только не сокращается (это утверждают 55% опрошенных офицеров-воспитателей и 54% офицеров военной прокуратуры), но и возрастает (18% и 38% соответственно). Однако в последнее время, по нашему мнению, латентность неуставных действий стала уменьшаться. Об этом косвенно свидетельствует, например, то, что в первом полугодии 2013 г., наряду с уменьшением зарегистрированных преступлений, совершенных военнослужащими, на 10,5%, зарегистрировано увеличение неуставных взаимоотношений, уменьшение числа тяжких и особо тяжких преступлений, а также то, что почти вдвое уменьшилось количество уклонений от военной службы. [11]

Большой латентностью обладают не только неуставные взаимоотношения, но и другие преступления, сопряженные с применением насилия: превышение должностных полномочий, оскорбление одним военнослужащим другого, оскорбление начальником подчиненного, оскорбление подчиненным начальника, насильственные действия в отношении начальника (причем последние два преступления чаще совершаются в отношении молодых сержантов).

Высокий уровень латентности преступлений, совершаемых военнослужащими, обусловливается фактической выборочностью уголовного преследования, нередким моральным одобрением совершения преступлений сослуживцами (особенно преступлений, связанных с применением насилия), наличием в воинской среде многих элементов криминальной субкультуры, привносимой в армию ранее судимыми и привлекавшимися к уголовной ответственности, а также содержавшимися в следственных изоляторах и изоляторах временного содержания. Высокому уровню латентности также способствуют низкий уровень качества исполнения приговоров суда об условном осуждении к лишению свободы, условном осуждении к содержанию в дисциплинарной воинской части, к ограничению по военной службе, слабый контроль и ненадлежащая профилактическая работа с военнослужащими, условно-досрочно освобожденными из дисциплинарной воинской части, а также с военнослужащими, совершавшими различные правонарушения до военной службы. При исполнении многих уголовных наказаний военнослужащие обычно продолжают военную службу в тех же подразделениях, пользуются тем же должностным положением и нередко имеют в подчинении тех же либо иных военнослужащих, которые обязаны беспрекословно выполнять приказы осужденного начальника. Все это способствует тому, что совершаемые военнослужащими сначала дисциплинарные и грубые дисциплинарные проступки, а затем и преступления часто остаются безнаказанными, что приводит к повторности совершения преступлений, к самодетерминации латентных преступлений и увеличению фактической преступности в армии и на флоте.

С учетом изложенного следует прийти к выводу о том, что латентные преступления, имеющие место в войсках и иных воинских формированиях России, составляют значительную и, вероятнее всего, подавляющую часть фактически совершаемых военнослужащими преступлений. Поэтому основная часть уголовной политики государства должна быть направлена на

принятие мер по выявлению латентных преступлений и привлечению к уголовной ответственности военнослужащих, их совершивших, без чего невозможно существенное уменьшение фактической воинской преступности, улучшение правопорядка и воинской дисциплины, а также увеличение боеготовности и боеспособности частей и подразделений.

2.2 Латентные преступления, совершаемые в боевой обстановке

В военное время и в боевой обстановке значительную трудность представляет не только расследование, но и выявление скрытых, латентных, преступлений, совершаемых в армии и на флоте.

Как отмечают некоторые авторы, родовым признаком, являющимся общим для всех преступлений, совершенных военнослужащими в районе вооруженного конфликта, в боевой обстановке, независимо от конкретных обстоятельств их совершения, является высокий уровень искусственно-латентной преступности военнослужащих, который достигает 85%. При этом, как указывают другие авторы, в обычной обстановке на долю латентной воинской преступности приходится лишь около 30% всех совершенных военнослужащими преступлений.

Как полагают некоторые участники "чеченских событий", латентность преступлений в 1994 - 1996 гг. была очень велика, поскольку регистрировалось примерно одно из пятнадцати преступлений военнослужащих.

При Петре I, в период постоянных войн, самой серьезной проблемой русской армии было дезертирство солдат. В Северную войну количество дезертиров доходило до 10% от всей численности войска, а из 23 тыс. набранных драгун спустя несколько месяцев в наличии осталось 8 тыс.

В районах военных действий, в том числе в русско-японскую войну (1904 - 1905 гг.) и в Первую мировую войну (1914 - 1918 гг.), как указывают исследователи, был неуклонный рост преступности среди военнослужащих

(в том числе и латентной). Это соответствует и выводу А. Герцензона о том, что в армии с начального периода войны наблюдается неуклонный рост преступности.

Как полагают некоторые авторы, до Февральской революции в русской армии было 195 тыс. дезертиров, на 1 августа 1917 г. - уже 365 тыс., а к началу Октябрьской революции их насчитывалось около 2 млн. человек. С. Маликов путем расчета установил, что за весь период Первой мировой войны из русской армии дезертировало около 1 млн. 865 тыс. военнослужащих (число преступлений получено расчетным способом: к количеству зарегистрированных дезертирств за период с начала войны до 1 августа 1917 г., т.е. к 365 тыс. дезертирств, приплюсован 1 млн. 500 тыс. незарегистрированных на 1 сентября 1917 г.). Во время гражданской войны и иностранной военной интервенции (1918 - 1922 гг.) дезертирство из Красной Армии было самым распространенным преступлением. Однако, по официальным сведениям, число зарегистрированных злостных дезертиров из боевых частей действующей Красной Армии составило в 1918 г. 199 - чел., в 1919 г. - 7343 чел., а за период с 15 февраля по 31 декабря 1920 г. - 20018 чел.. Всего было выявлено и возвращено на службу за период с 1 января 1919 г. по 1 декабря 1920 г. 2 млн. 846 тыс. чел., из них: 1 млн. 543 тыс. человек явились добровольно, 837 тыс. - задержаны при облавах. То есть основная часть дезертиров к уголовной ответственности привлечена не была, а совершенные ими преступления остались латентными, что часто связано не столько с проблемами их выявления, сколько с трудностями в организации их расследования в боевой обстановке.

Во время Великой Отечественной войны (1941 - 1945 гг.) из частей действующей Красной Армии дезертировало 588,7 тыс. чел., из которых осуждено 376,3 тыс. чел., не разыскано 212,4 тыс. чел.. Как отмечают некоторые авторы, наступление благоприятно влияет на удержание военнослужащих от преступлений, оборона создает предпосылки роста преступности, отступление генерирует ее. С 22 июня по 10 октября 1941 г.

было задержано 657364 военнослужащих, дезертировавших и самовольно оставивших поле боя, из которых арестовано 25878 наиболее злостных дезертиров, в том числе расстреляно - 10201 человек. Соответственно, основная часть уклонившихся от военной службы не была привлечена к уголовной ответственности, что говорит об очень большой латентной составляющей в период отступления, интенсивного ведения боевых действий и сложной обстановки в стране.

В Афганистане и в Чеченской Республике, как и в годы Великой Отечественной войны, многие командиры частей нередко скрывали преступления. Следователи военной прокуратуры выявляли факты, когда командиры воинских частей и учреждений, т.е. органы дознания, придавали преступлениям видимость дисциплинарных проступков или несчастных случаев, а криминальные случаи причинения телесных повреждений и гибели личного состава, военной техники и вооружения в происшествиях относили на боевые действия и потери.

В периоды боевой активности в Афганистане происходил рост уклонений от военной службы, выражавшихся в основном в невозвращении из краткосрочных отпусков и госпиталей, а также в членовредительстве. Только в 1985 г. официально зарегистрирован рост членовредительства на 587,5%, что не отражает реальной картины, поскольку вследствие недостаточно целенаправленного выявления случаев членовредительства их зачастую включали в разряд бытовой травмы. Значительной латентностью обладал такой способ совершения членовредительства, как употребление мочи больных инфекционным гепатитом, которым за весь период нахождения наших войск в Демократической Республике Афганистан переболело 115308 человек.

Увеличение преступности военнослужащих наблюдалось и во время обеих "чеченских кампаний". В период установления конституционного порядка в Чеченской Республике (1994 - 1996 гг.) органами военной прокуратуры было учтено более 1500 преступлений, совершенных

военнослужащими. Впоследствии, во время проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе (1999 - 2005 гг.), военнослужащими Объединенной группировки войск (сил) было совершено более 3000 преступлений. При этом отмечена тенденция роста уровня преступности как в период установления конституционного порядка в ЧР (на 39,2% в 1996 г., по сравнению с 1995 г.), так и в период проведения контртеррористических операций (на 20% в 2002 г., по сравнению с 2001 г.). [10]

Во время установления конституционного порядка на территории Чеченской Республики, с конца 1994 по 1996 г. автор участвовал в отправлении правосудия на территории Чеченской Республики. В начальный период активного ведения боевых действий, когда в ЧР была лишь одна военная прокуратура гарнизона, регистрировались и расследовались, как правило, только те преступления, которые нельзя было не зарегистрировать, а именно: умышленные убийства, самовольные оставления части, некоторые хищения оружия и боеприпасов, а также хищения чужого имущества в достаточно крупных размерах (когда похищенное вывозилось машинами). Преступления, связанные с применением насилия, неуставными действиями, превышением власти, не повлекшие тяжких последствий, а также небольшие хищения военного имущества и личного имущества граждан обычно не регистрировались, следователи их не расследовали, и в военный суд такие дела не поступали. Дела о таких преступлениях стали поступать в военный суд лишь после 2000 г., когда обстановка более-менее стабилизировалась, а на территории Чеченской Республики была создана не одна, а несколько (впоследствии 12) военных прокуратур гарнизона и военная прокуратура Объединенной группировки войск (на правах военной прокуратуры округа). За первые девять месяцев боевых действий на территории ЧР, т.е. за три квартала 1995 г., в военный суд из военной прокуратуры в/ч 44662, обслуживавшей Объединенную группировку войск (сил), часть войск которой находилась и в г. Моздоке Республики Северная Осетия - Алания,

поступило лишь 34 уголовных дела. Более половины (около 20 дел) - дела об оставлениях части теми военнослужащими, которых задержали должностные лица других воинских частей либо иных государственных органов. Если военнослужащий задерживался неподалеку от своего подразделения представителями своей части, то в военную прокуратуру и вышестоящему командованию эти сведения не сообщались и военнослужащие к уголовной ответственности в таких случаях обычно не привлекались. Поэтому можно сделать вывод о том, что на первоначальном этапе вооруженного либо межнационального конфликта, до надлежащей и эффективной организации работы правоохранительных органов, существует особо повышенный уровень латентной преступности военнослужащих.

Такой вывод подтверждается данными Главной военной прокуратуры, из которых усматривается следующее. В 1995 - 1996 гг., т.е. во время "первой чеченской кампании" и действия УК РСФСР, было зарегистрировано только 11 преступлений, совершенных военнослужащими в боевой обстановке: 4 умышленных убийства, 1 умышленное повреждение имущества, 2 хищения оружия и боеприпасов, 1 утрата оружия, 3 самовольных оставления части. С 1997 по 2002 гг., в период ведения боевых действий в Чеченской Республике и в Республике Дагестан (с 1999 г.), т.е. в период "второй чеченской кампании", когда была организована работа нескольких военных прокуратур и обстановка стабилизировалась, было зарегистрировано уже 2272 преступления (в суд направлено 1026 дел), совершенных в боевой обстановке, в том числе: 188 умышленных убийств (в суд направлено 60 дел), 16 иных убийств (в суд направлено 10 дел), 9 доведений до самоубийства (в суд направлено 0 дел), 5 умышленных уничтожений и повреждений имущества (в суд направлено 1 дело), 105 хищений оружия и боеприпасов (в суд направлено 4 дела), 92 утраты оружия и боеприпасов (в суд направлено 59 дел), 502 уклонения от военной службы (в суд направлено 89 дел) - 428 самовольных оставлений части, 63 дезертирства (из них с оружием - 46), 11 членовредительств. Названные обстоятельства

свидетельствует о значительной латентной составляющей, о росте преступности военнослужащих в боевой обстановке, а также о недостатках в организации выявления и расследования преступлений в ходе вооруженных конфликтов, в боевой обстановке.

Скрытости, латентности совершаемых военнослужащими преступлений нередко способствовало их сокрытие командирами частей и подразделений. Во время установления конституционного порядка на территории Чеченской Республики (1994 - 1996 гг.) были случаи, когда военных прокуроров и следователей командиры не допускали к месту происшествия, под угрозой применения оружия выдворяли с территории воинской части, не давали возможности проводить расследование, допрашивать свидетелей, проводить опознания. В качестве объяснения приводился такой аргумент - идет война, а на войне якобы законы мирного времени не действуют. Чтобы обеспечить возможность нормальной работы правоохранительных органов, начальник Генерального штаба ВС РФ, по представлению Главной военной прокуратуры, был вынужден издать специальную директиву.

В ходе "первой чеченской кампании" часто случались такие факты уклонений от военной службы, когда командованию, т.е. органу дознания, было известно об оставлении части достаточно большим количеством военнослужащих, однако уголовные дела в связи с этим не возбуждались, если те в разумные сроки являлись в военкоматы либо по месту постоянной дислокации воинской части, вне пределов ЧР. Так, в период активной военной фазы в ЧР самовольно оставили воинские части более 400 военнослужащих по призыву, что составляет 61,6% от общего числа самовольно оставивших части, однако осуждено было только 35 (4,9%) военнослужащих. Зачастую матери военнослужащих по призыву "увозили" своих сыновей из района ведения боевых действий. По данным бывшего министра обороны РФ П. Грачева, родители военнослужащих, с помощью

представителей Комитета солдатских матерей, "увели" с боевых позиций 500 - 600 военнослужащих по призыву.

Однако в 1995 - 1996 гг., по сведениям Главной военной прокуратуры, было зарегистрировано лишь 3 уклонения от военной службы (все 3 - самовольные оставления части), совершенных в боевой обстановке, что свидетельствует об их большой латентности. С 1995 по 2002 гг. согласно данным Главной военной прокуратуры было возбуждено 2290 дел о преступлениях, совершенных в боевой обстановке, 477 дел о преступлениях, совершенных в условиях межнационального конфликта, а в суд направлено лишь около половины дел: 1026 дел о преступлениях, совершенных в боевой обстановке, и 133 дела о преступлениях, совершенных в условиях межнационального конфликта. То есть примерно по половине зарегистрированных преступлений никто к уголовной ответственности привлечен не был. [6]

Таким образом, проблема выявления и расследования латентных преступлений, совершаемых российскими военнослужащими в военное время и в боевой обстановке, существует в течение всего исторического периода развития нашего государства, она была в России как при Петре I, так и в наши дни. Фактическая преступность военнослужащих и ее латентная составляющая значительно увеличиваются в ходе военных и боевых действий, в периоды вооруженных и межнациональных конфликтов. Для более эффективной борьбы с ней необходимо принятие нормативного акта о воинских преступлениях в боевой обстановке. Чем интенсивнее и широкомасштабней осуществляются боевые действия, тем труднее выявлять и расследовать преступления, тем выше уровень преступности и латентности преступлений, совершаемых военнослужащими. Во время боевых действий особенно увеличивается количество и латентность различных видов уклонений от военной службы; умышленных и неосторожных преступлений, связанных с обращением с оружием и боеприпасами, с причинением телесных повреждений и гибелью военнослужащих; преступлений

корыстной направленности; преступлений против гражданского населения. Этому часто способствует сокрытие преступлений командованием, которое нередко преступные действия, повлекшие гибель военнослужащих, относит к боевым потерям, а повлекшие тяжкий вред здоровью - к несчастным случаям, ранениям в ходе боевых операций и др. В ходе войн и боевых действий выявить, учесть, зафиксировать и расследовать значительную часть совершенных военнослужащими преступлений практически невозможно, что также способствует увеличению латентной составляющей воинской преступности.

2.3 Латентные преступления военнослужащих, сопряженные с применением насилия

Проводимый отделом проблем латентной преступности и криминологического прогнозирования НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации ежегодный мониторинг латентной преступности позволяет констатировать: уровень фактической преступности более чем в восемь раз превышает уровень зарегистрированной. Исследования виктимизации населения нашей страны показали, что пострадавшими от преступлений в 2013 г. считают себя примерно 15%, т.е. около 21 млн. (15% от 142 млн. россиян) человек. С учетом того, что далеко не все преступления причиняют вред конкретной жертве, цифра фактической преступности будет больше как минимум на 20%. В России в 2013 г. совершено порядка 23 млн. латентных преступлений. С учетом 3 млн. зарегистрированных преступных деяний фактически в 2013 г. в России совершено порядка 26 млн. преступлений. Аналогичные цифры были получены в ходе исследований, осуществленных сотрудниками ВНИИ МВД РФ.

В марте 2014 г. в Главной военной прокуратуре под председательством заместителя Генерального прокурора Российской Федерации - Главного

военного прокурора С.Н. Фридинского состоялось координационное совещание руководителей правоохранительных органов в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах. Предметом обсуждения стали вопросы обеспечения безопасных условий военной службы и предупреждения насильственных преступлений среди военнослужащих.

При этом Главным военным прокурором было отмечено, что в течение последних полутора лет, т.е. после значительного увеличения в армии и на флоте количества военнослужащих, проходящих службу по призыву, последовательно увеличивается число насильственных преступлений. В 2013 г. их количество в войсках возросло более чем на 16%. От насилия пострадали тысячи военнослужащих, десятки получили тяжкие увечья, есть и погибшие. Каждое четвертое правонарушение сегодня связано с противоправными действиями в отношении сослуживцев. Во многом именно неуставные взаимоотношения в воинских коллективах являются причиной многочисленных уклонений от военной службы военнослужащих по призыву и даже самоубийств. Количество преступлений, связанных с неуставными взаимоотношениями, среди военнослужащих, проходящих службу по призыву, в 2013 г. возросло практически во всех войсках и воинских формированиях и, в совокупности с насильственными, составляет уже почти половину всех правонарушений. Причем подавляющее большинство нарушений уставных правил взаимоотношений совершено военнослужащими по призыву.

Результаты прокурорских проверок свидетельствуют, что меняется мотивация и многие другие критерии таких правонарушений. К примеру, в минувшем году каждое десятое насильственное преступление среди военнослужащих по призыву совершено из корыстных побуждений, а количество таких посягательств, связанных с вымогательством денег и другого имущества у сослуживцев, увеличилось почти в полтора раза.

Негативная тенденция сохраняется и в текущем 2014 году - только за первые два месяца в войсках зарегистрировано свыше пятисот насильственных преступлений, в результате которых более 20 военнослужащих получили тяжкие увечья, двое погибли. Такое положение дел обусловлено комплексом причин. Из наиболее значимых - это увеличение количества призывного контингента и явные недоработки командования. И та, и другая в равной степени сыграли существенную роль в увеличении статистических показателей и изменении не в лучшую сторону климата в воинских коллективах.

Главный военный прокурор особо подчеркнул необходимость принятия неотложных мер по предупреждению насильственных преступлений среди военнослужащих на национальной почве. Изменение подходов к комплектованию при попустительстве отдельных командиров приводит к тому, что военнослужащие различных этнических групп или землячеств пытаются навязать свои порядки в воинских коллективах. При возросшей служебной нагрузке командиров отсутствие навыков в работе с подчиненными они все чаще подменяют рукоприкладством. В прошедшем году уровень рукоприкладства командиров возрос на треть. За данные преступления к лишению свободы только командиров рот осуждено свыше 50 человек. Далеко не в полной мере реализуют свои полномочия по выявлению и пресечению насильственных преступлений органы дознания. В минувшем году при существенном росте числа неуставных проявлений органами дознания большинства войск и воинских формирований выявлено лишь каждое шестое такое деяние. Продолжается порочная практика сокрытия командованием преступлений от учета. Только в текущем году военными прокурорами выявлено 23 скрытых преступления, из которых треть - насильственные, каждое четвертое - тяжкое.

Главный военный прокурор также отметил, что на состояние правопорядка в воинских коллективах негативно влияют системные упущения в обеспечении безопасных условий прохождения службы,

сохранности жизни и здоровья военнослужащих, надлежащих условий их размещения. С учетом всего этого участники совещания выработали проект комплексной программы по предупреждению небоевых потерь, преступлений и происшествий, связанных с гибелью и травмированием военнослужащих. В частности, планируется подготовить изменения и дополнения в программы профессионально-должностной подготовки офицеров и сержантов по воспитательной и индивидуальной работе с подчиненными, профилактики нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, сплочения воинских коллективов; организовать эффективную работу органов дознания, взаимодействие с общественностью в целях своевременного выявления и предупреждения правонарушений.

Начальник Главного военного следственного управления А. Сорочкин 4 июля 2013 г., подводя на коллегии итоги первого полугодия 2013 г., обратил внимание на то, что с начала этого года на четверть выросли "неуставные" преступления, причем мордобоем в казарме, как правило, занимаются не офицеры и солдаты-контрактники, а призывная молодежь. Почти две трети таких случаев в 2013 г. приходится на рядовых и сержантов срочной службы.

Вышеприведенные данные об увеличении зарегистрированных "неуставных" преступлений, приведенные Главным военным прокурором и начальником Главного военного следственного управления, по нашему мнению, свидетельствуют об уменьшении латентности данного вида преступлений.

В своей практической деятельности все правоохранительные органы, осуществляющие свою деятельность в армии и на флоте (военные прокуратуры, военно-следственные органы, органы ФСБ в войсках, органы дознания, которыми являются командиры воинских частей), должны руководствоваться Уголовным кодексом РФ, согласно ч. 1 ст. 2 которого его задачами являются: охрана прав и свобод человека и гражданина,

собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений. Как следует из ст. 8 УК РФ, основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, причем независимо от того, известно о совершенном преступлении органам уголовной юстиции либо нет. Поэтому, в соответствии с установленным ст. 3 УК РФ принципом законности, каждое преступление, в т.ч. и латентное, должно влечь за собой уголовное наказание либо иные уголовно-правовые последствия, определенные УК РФ. В связи с изложенным правоохранительные органы должны уметь выявлять, раскрывать и расследовать не только известные им и зарегистрированные преступления, но и скрытые, латентные преступления.

Вся преступность состоит из двух частей: зарегистрированной (официальной) и латентной (скрытой). Правоохранительные органы регистрируют совершенные преступления, на основе регистрационных данных составляются статистические отчеты о преступности. Однако уголовная статистика о преступности, которая исходит из названных отчетов, не может быть полной без учета латентной преступности. В связи с этим Президент РФ Д.А. Медведев на заседании коллегии Генеральной прокуратуры РФ отметил: "Уголовная статистика, как и статистика в целом, довольно лукавая вещь. Как она осуществляется, мы сами знаем: сначала записали, потом подумали, потом выслушали пожелания вышестоящих начальников - и нет ничего. Не предлагаю сейчас конкретных мер по первичной регистрации, но эти меры должны включать в себя и процедурные элементы, и технологические решения. Только в этом случае мы будем с вами оперировать более или менее точными цифрами. Иначе у нас миллион преступлений - туда, миллион - сюда, непонятно, что вообще происходит". Для выяснения объема реальной, фактической преступности крайне важно

исследование и выявление латентных преступлений, в т.ч. в армии и на флоте.

Обладающими высокой латентностью в армии считаются вымогательство, неуставные взаимоотношения и другие преступления, сопряженные с применением насилия. Латентными остаются по меньшей мере 30,7% неуставных взаимоотношений, но лишь 8% военнослужащих заявляют о насильственных действиях по отношению к ним.

И.М. Мацкевич и В.Е. Эминов пришли к выводу о том, что латентность неуставных действий и других преступлений, сопряженных с применением насилия, в нашей армии в предыдущие годы составляла 1:300 (на одно зарегистрированное преступление приходится 300 незарегистрированных). [28]

Как отмечают некоторые авторы, нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, как правило, в воинских частях регистрируются лишь тогда, когда командование не имеет возможности их скрыть в связи с последствиями деяний: когда самовольно оставивший часть военнослужащий в ходе следствия по уголовному делу заявляет о неуставных отношениях как основной причине своего бегства из части; когда в результате неуставных отношений потерпевшему причиняется средней тяжести или тяжкий вред здоровью, требующий стационарного лечения, влекущего за собой факт сообщения об этом из медицинских учреждений в правоохранительные органы, или наступает его смерть; когда доведенный да отчаяния неуставными отношениями военнослужащий пытается покончить жизнь самоубийством или расстреливает своих обидчиков, находясь в карауле и т.п.

Исследователями выявлено, что при снижении числа выявляемых и регистрируемых фактов легких телесных повреждений, истязаний, побоев и преступлений, связанных с ношением оружия, увеличивалось число тяжких преступлений против жизни и здоровья.

Другие авторы обращают внимание на подобную взаимосвязь между преступлениями, связанными с уклонением от прохождения службы, и преступлениями, связанными с причинением телесных повреждений. Объективные данные о судимости военнослужащих за совершение воинских преступлений свидетельствуют о том, что более половины воинских преступлений составляют уклонения от военной службы. По официальным данным МО РФ, преступления, связанные с самовольным оставлением воинской части либо иным уклонением от исполнения обязанностей военной службы, достигают примерно 40% среди иных правонарушений (т.е. не только воинских, но и общеуголовных). Однако за неуставные действия и иные преступления, сопряженные с применением насилия, к уголовной ответственности привлекается гораздо меньше военнослужащих, чем за уклонения от военной службы, что свидетельствует о значительной латентности насильственных преступлений в армии и на флоте.

Между тем количество латентных неуставных действий, повлекших совершение уклонений от военной службы, достаточно велико. К примеру, в 1998 - 1999 гг. в ходе проведения Главной военной прокуратурой операций "Явка с повинной" и "Беглец" в правоохранительные органы явились разыскивавшиеся за совершение уклонений от военной службы 13128 лиц, из которых 6695 военнослужащих (50,2%) вынуждены были оставить место службы в результате антиуставных проявлений в подразделениях. Таким образом, увеличение активности в деятельности правоохранительных органов по выявлению насильственных преступлений в войсках, особенно целенаправленное, методически и научно обоснованное, влечет за собой увеличение числа выявленных латентных преступлений, в т.ч. связанных с применением военнослужащими насилия.

Хотя командование формально и принимает меры борьбы с неуставными взаимоотношениями, многие факты остаются без реагирования, скрываются командирами. Однако распространение неуставных и иных

действий, сопряженных с применением насилия, по мнению некоторых авторов, ведет к криминализации и дестабилизации управления войсками.

Криминогенная обстановка в части зависит во многом от того, как относится к выполнению своих обязанностей тот или иной офицер. Однако, с другой стороны, камень преткновения лежит не только в профессиональных способностях офицеров. Обычно командиру выгоднее скрыть то или иное правонарушение, чем допустить его расследование. По некоторым данным, каждый пятый офицер заявил, что уведомление вышестоящего командования о таких фактах, имевших место во вверенном ему подразделении, негативно отразилось на его карьере.

Ненадлежащее состояние воинской дисциплины и правопорядка в частях, пассивность, ненадлежащая гражданская позиция, низкое правосознание приводят к тому, что военнослужащие не пытаются пресечь неуставные действия сослуживцев либо доложить о них командованию. Из 1000 военнослужащих - свидетелей проявления неуставных отношений только 12% пытались помешать нарушителям, 51% в душе осудили казарменных хулиганов, но ничего не предприняли, а 16% заняли позицию "моя хата с краю", заявив, что это их не касается.

Как отметил И.М. Мацкевич, в предыдущие годы наличествовали неблагоприятные тенденции в динамике латентности неуставных отношений, которая не только не сокращается, но и возрастает. Однако в последнее время, как нам представляется, латентность неуставных действий стала уменьшаться. Об этом свидетельствует, например, то, что в первом полугодии 2010 года, наряду с уменьшением на 10,5% количества зарегистрированных преступлений, совершенных военнослужащими, зарегистрировано уменьшение числа случаев неуставных взаимоотношений, уменьшение числа тяжких и особо тяжких преступлений, а также уменьшение почти вдвое количества уклонений от военной службы. [28]

Помимо неуставных действий, значительной латентностью обладают и другие преступления, сопряженные с применением насилия: превышение

должностных полномочий, оскорбление одним военнослужащим другого, оскорбление начальником подчиненного, оскорбление подчиненным начальника, насильственные действия в отношении начальника (последние два преступления чаще совершаются в отношении молодых сержантов), открытые похищения и вымогательства денег и материальных ценностей с применением насилия и угрозой его применения.

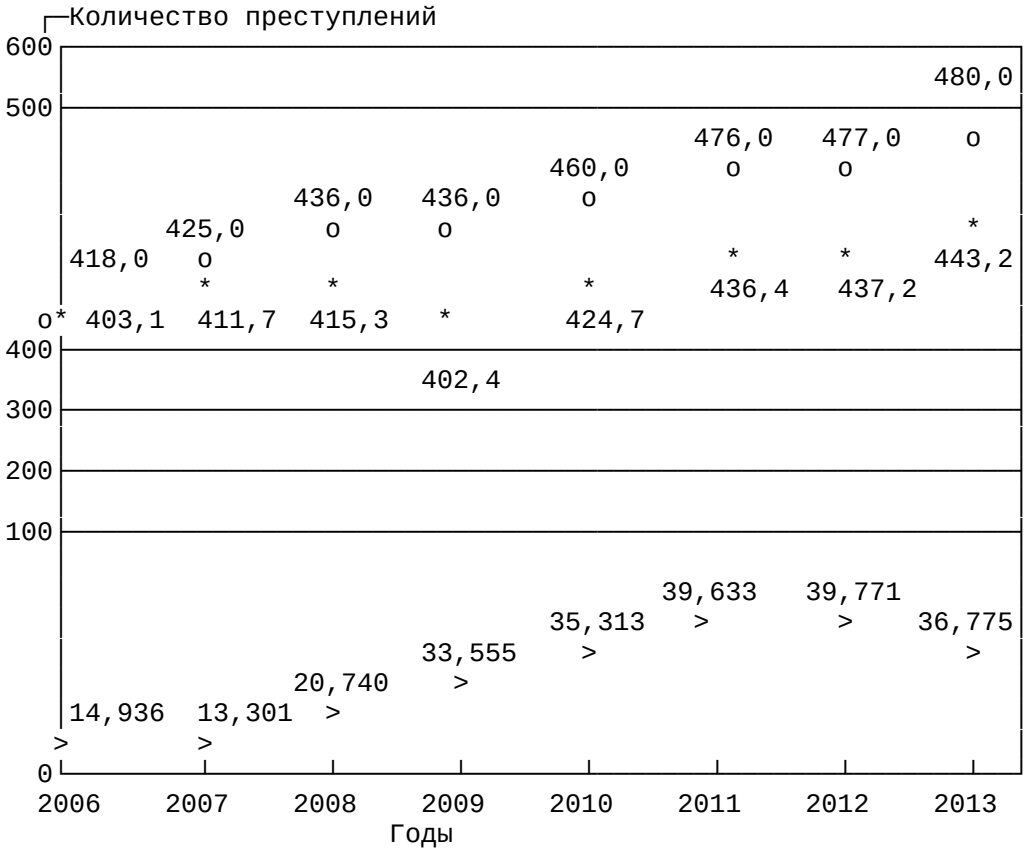
При всех планируемых изменениях Вооруженные Силы РФ, другие войска и воинские формирования РФ являются составной частью государства, а военнослужащие - неотъемлемой частью народа. Поэтому все позитивные и негативные тенденции и закономерности, свойственные государству и обществу в целом, в полной мере проявляются и в армии. По тем же причинам тенденции и соотношение фактической и латентной преступности военнослужащих и гражданских лиц не могут значительно отличаться друг от друга. Динамику состояния латентной и фактической преступности гражданских лиц в РФ в 2004 - 2013 годах можно увидеть из нижеследующих данных:

Рис. 2.1 Динамику состояния латентной и фактической преступности гражданских лиц в РФ в 2004 - 2013 годах

Наибольшую часть латентного и фактического криминального контингента, примерно 21%, составляют молодые люди в возрасте 18 - 24 г., то есть того возраста, когда основная часть мужчин России проходит военную службу. Поэтому в армейских условиях латентность преступлений, сопряженных с применением насилия, не может быть менее, чем в гражданских условиях. Исследователями установлено, что коэффициент латентности совершенных гражданскими лицами преступлений, связанных с умышленным причинением легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ), побоев (ст. 116 УК РФ) и вымогательств (ст. 163 УК РФ), составляет около 13 (то есть 12 из 13 совершенных аналогичных преступлений остаются латентными), что наглядно видно из нижеследующих диаграмм:

ст. 115 УК РФ - умышленное причинение легкого вреда здоровью
Коэффициент латентности в 2013 году: 13,1

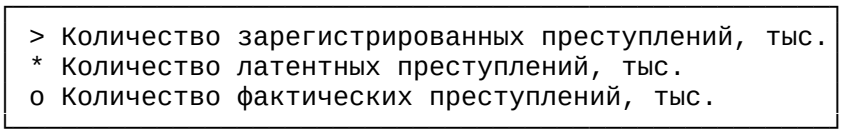

Рис. 2.1 Умышленное причинение легкого вреда здоровью Коэффициент латентности в 2013 году

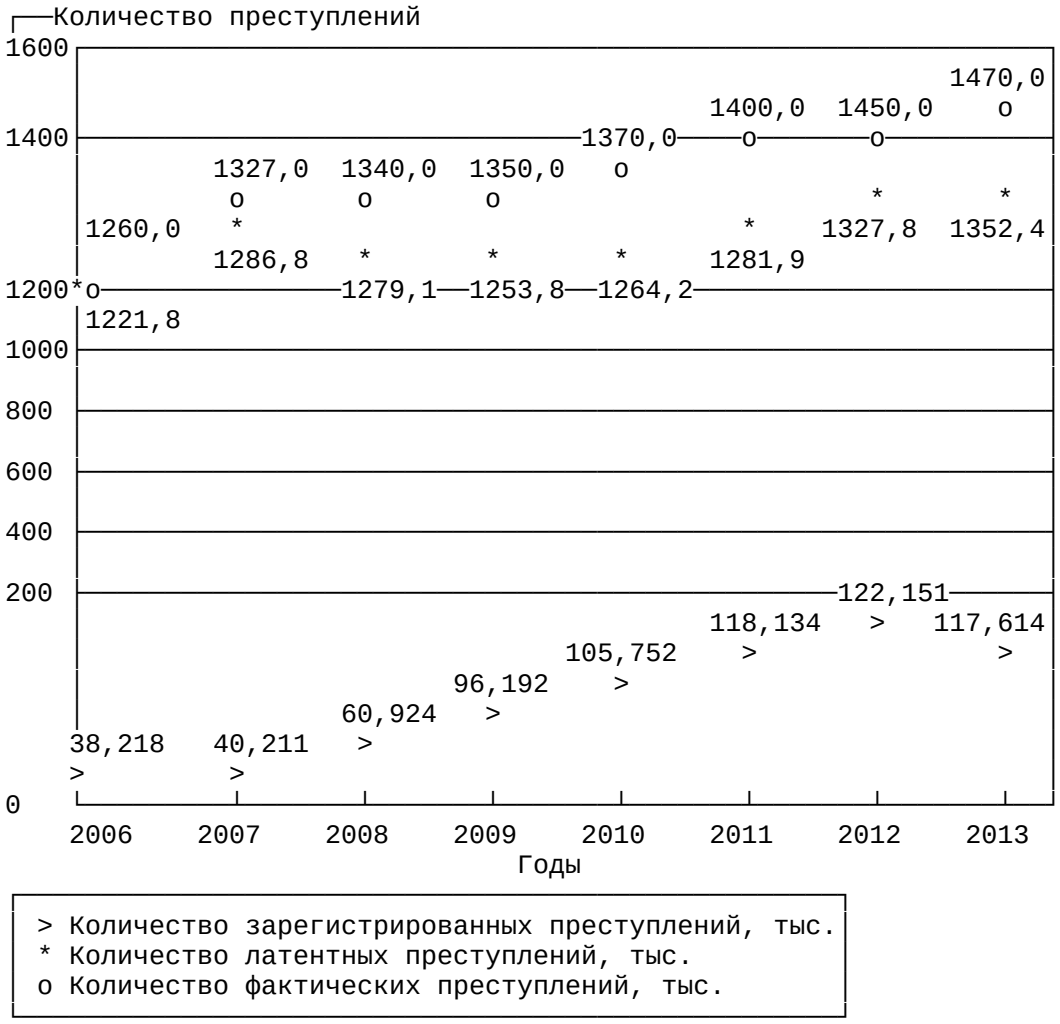
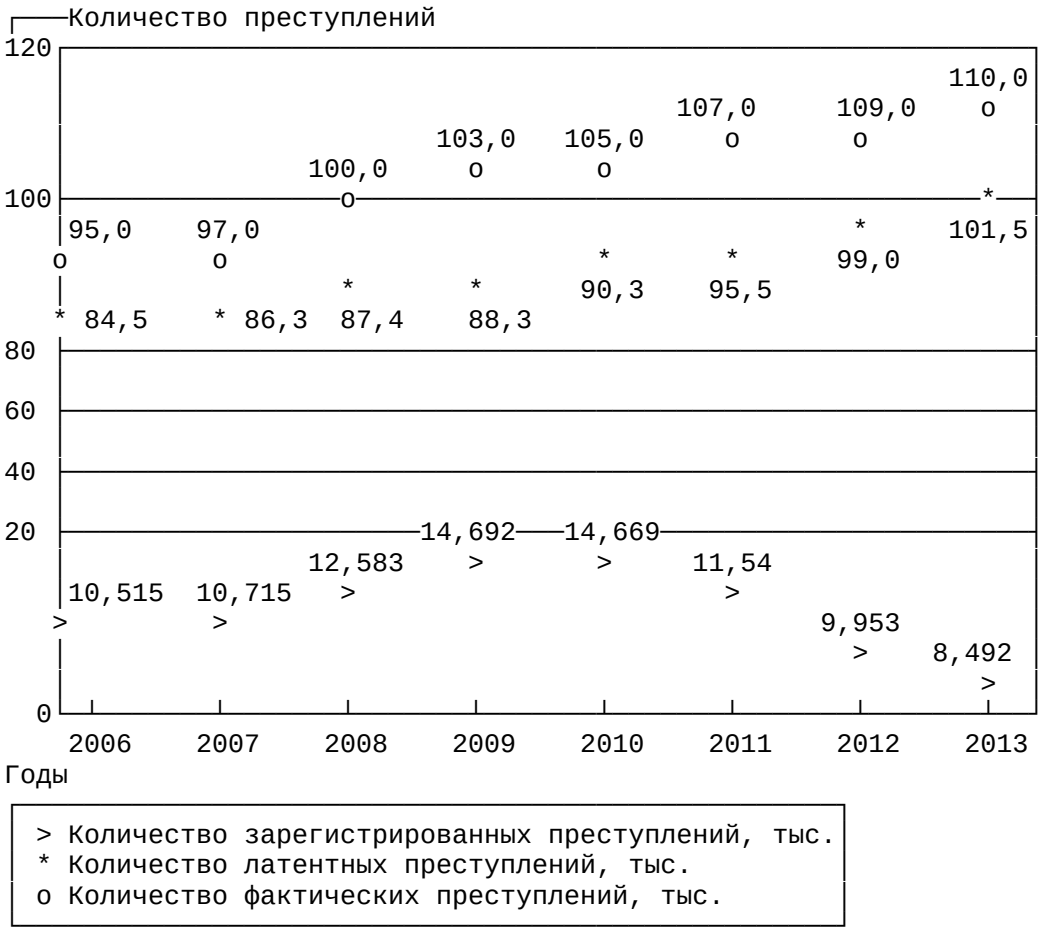

Рис. 2.2.Коэффициент латентности в 2013 году: 12,5

ст. 116 УК РФ - побои

ст. 163 УК РФ - вымогательство

Рис. 2.3. Коэффициент латентности в 2013 году: 13,0

Поскольку Вооруженные Силы любого государства - это часть общества и им присущи все его тенденции и негативные явления, а конкретные сведения о преступности в военной составляющей России засекречены, то с учетом вышеприведенных сведений можно с большой долей вероятности предположить, что латентность применения насилия среди военнослужащих аналогична вышеизложенным данным.

Таким образом, значительный уровень латентности преступлений, сопряженных с применением насилия, совершаемых военнослужащими, обусловливается фактической выборочностью уголовного преследования, нередким моральным одобрением совершения преступлений сослуживцами, наличием в воинской среде многих элементов криминальной субкультуры,

привносимой в армию лицами, ранее судимыми и привлекавшимися к уголовной ответственности, а также содержавшимися в следственных изоляторах и изоляторах временного содержания. Высокому уровню латентности также способствуют низкий уровень качества исполнения приговоров суда об условном осуждении к лишению свободы, условном осуждении к содержанию в дисциплинарной воинской части, к ограничению по военной службе, слабый контроль и ненадлежащая профилактическая работа с военнослужащими, условно-досрочно освобожденными из дисциплинарной воинской части, а также с военнослужащими, совершавшими различные правонарушения до военной службы. При исполнении многих уголовных наказаний военнослужащие часто продолжают военную службу в тех же подразделениях, пользуются тем же должностным положением, вооружением и нередко имеют в подчинении других военнослужащих, которые обязаны беспрекословно выполнять приказы осужденного начальника. Все это часто способствует тому, что совершаемые военнослужащими, особенно имеющими девиантные отклонения, сначала дисциплинарные и грубые дисциплинарные проступки, административные правонарушения, а затем и преступления остаются без должного реагирования со стороны командования и правоохранительных органов, что приводит к повторности совершения преступлений и самодетерминации латентных преступлений. Вышеизложенное свидетельствует о том, что в воинской среде, как и среди гражданского населения, которым постоянно комплектуются войска и иные воинские формирования РФ, латентная преступность, сопряженная с применением насилия, значительно превышает зарегистрированную (официальную) преступность.

Приведенные данные позволяют прийти к выводу о том, что основная часть фактически совершаемых в армии и на флоте неуставных и иных преступлений, сопряженных с применением насилия, остается латентной. При этом без значительной минимизации латентных и фактически

совершаемых военнослужащими преступлений, особенно сопряженных с применением насилия, осуществлять эффективное предупреждение и борьбу с преступностью в воинской среде невозможно.

Заключение

Латентная преступность - это объективное социально-правовое явление, имеющее свои качественные и количественные характеристики, представляющее собой совокупность общественно опасных деяний, невыявленных и неучтенных правоохранительными органами, ответственность за которые предусмотрена действующим Уголовным кодексом.

Невыявленность и неучтенность, как основные специфические признаки латентной преступности заключаются в отсутствии фиксации сведений о преступлениях со стороны органов, ведущих их регистрацию и учет, в отсутствии возбужденных по данным фактам уголовных дел.

Основными причинами латентной преступности являются:

- несоответствие между требованиями, предъявляемыми к деятельности сотрудников МВД (как основного органа, осуществляющего регистрацию преступлений) и предоставляемыми этому органу ресурсными возможностями;

- укрытие преступлений сотрудниками ОВД, что непосредственно отражается на правосознании граждан;

- неразвитая система защиты прав свидетелей и потерпевших;

- невысокий уровень правосознания населения;

- несовершенство действующего законодательства.

Помимо указанных причин нужно учитывать и то, что латентная преступность может являться следствием некоторого отрицания членами общества уголовного закона как регулятора определенного вида общественных отношений, стремления неправовыми средствами разрешить возникшую проблему.

Одним из основных слагаемых латентности преступлений является личность потерпевшего, обладающая рядом специфических особенностей, которые объективным или субъективным образом способствуют отсутствию заинтересованности в огласке факта преступления в отношении его, по причине нежелания оказаться объектом внимания правоохранительных органов.

Проблема латентности особенно актуальна не только для определения объема, интенсивности (уровня) преступности и выявления ее объективных показателей, но и как существенный криминогенный фактор.

Неотъемлемыми последствиями латентности преступности являются:

искажение представления о фактическом состоянии, уровне, структуре, динамике преступности, о величине и характере ущерба, причиненного обществу преступными деяниями;

препятствие реализации принципа неотвратимости ответственности за совершенные преступления;

рост преступности, особенно рецидивной;

снижение достоверности прогнозов преступности, затрудняющее определение основных направлений борьбы с ней;

снижение авторитета правоохранительных органов;

снижение активности граждан в борьбе с преступностью.

Одним из методов выявления латентной преступности является анализ заявлений, жалоб, сообщений о преступлениях, поступивших в правоохранительные органы, в средства массовой информации, иные государственные органы, и сопоставление полученных результатов с

данными уголовной статистики. Если граждане чаще всего жалуются на плохое обслуживание в сфере торговли, факты взяточничества, а, по данным уголовной статистики, не наблюдается роста названных ими преступлений, значит произошло увеличение их латентности.

Хорошо зарекомендовали себя на практике локальные методы изучения латентности. Например, сведения о количестве фактов причинения вреда здоровью, полученные в поликлиниках, больницах, можно сопоставить с данными органов милиции, прокуратуры, суда.

Достаточно эффективным методом выявления латентности является ее экспертная оценка. С ее помощью можно получить достоверные сведения о соотношении между выявленными и скрытыми преступлениями.

Литература

1. Богданова Л., Выявление латентных убийств в ходе прокурорских проверок // "Уголовное право", 2011, N 5
2. Букреев В.В. Дисциплинарная воинская часть: проблемы назначения и исполнения наказания: Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д: РЮИ МВД РФ, 2004.
3. Волков А.Е. Преступления против порядка подчиненности и воинских уставных взаимоотношений: уголовно-правовая и криминологическая характеристики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД РФ, 2004.
4. Гармаев Ю.П., Проблемы уголовно - правовой борьбы с латентными способами преступного невозвращения валюты из-за границы // "Журнал российского права", N 1, 2002
5. Горелик В.Я. Латентная преступность в условиях военной службы // Военная мысль. 2001. N 2.
6. Гриб В.В., Социально-криминологическая природа искусственно латентной преступности современной России и факторы, ее детерминирующие // "Юридический мир", 2013, N 6
7. Директива Министра обороны РФ N Д-4 от 24.01.2003.
8. Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003.

9. Дульцев А. Воинская дисциплина - фактор коллективный // Методист. 2004. N 9.
10. Ельскене Т.Ю., Понятие латентной преступности // "Российский следователь", 2005, N 9
11. Иншаков С.М. Латентная преступность как показатель эффективности уголовной политики // Российский следователь. 2008. N 14.
12. Иншаков С.М. Системное воздействие на преступность в Вооруженных Силах России: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997.
13. Иншаков С.М., Латентная преступность как показатель эффективности уголовной политики // "Российский следователь", 2008, N 14
14. Ищенко А.В. Дифференциация и индивидуализация наказаний, назначаемых военнослужащим Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. Приложение N 5.
15. Криминология: Учебник / Под ред. проф. В.Д. Малкова. М.: Юстицинформ, 2006.
16. Лунеев В.В. Криминология (Причины, предупреждение и методы изучения преступлений в Вооруженных Силах СССР): Учебник. М.: Военный Краснознаменный институт, 1986.
17. Мацкевич И.М. Критерии объективности при изучении латентности неуставных отношений // Проблемы профилактики нарушений уставных отношений между военнослужащими: Материалы научно-практической конференции 21 октября 1998 г. М., 1999.
18. Моргуленко Е.А. Латентность нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности: сущность, структура, причины и меры по ее нейтрализации // Право в Вооруженных Силах. 2002. N 1 - 2.

19. Моргуленко Е.А. Причины и меры предупреждения нарушений уставных правил взаимоотношений военнослужащих при отсутствии между ними отношений подчиненности: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
20. Об актуальности предупреждения и борьбы с латентной преступностью в войсках в военное время и в боевой обстановке Оноколов Ю.П. // "Военно-юридический журнал", 2011, N 7
21. Обзор судебной работы гарнизонных военных судов по рассмотрению уголовных дел за 2004 год. М.: Военная коллегия Верховного Суда РФ, 2005.
22. Омаров Д.М., Понятие и структура латентной преступности // "Российская юстиция", 2008, N 5
23. Оноколов Ю.П., Выявлению и профилактике латентных преступлений в армии поможет общая информационная база // "Военно-юридический журнал", 2010, N 9
24. Оноколов Ю.П., К вопросу об определении понятия "латентные преступления" // "Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление", 2010, N 5
25. Оноколов Ю.П., Латентная преступность военнослужащих // "Военно-юридический журнал", 2011, N 8
26. Оноколов Ю.П., Латентные преступления военнослужащих, сопряженные с применением насилия // "Военно-юридический журнал", 2011, N 12
27. Оноколов Ю.П., Латентные преступления, совершаемые в боевой обстановке, необходимо выявлять и расследовать // "Российский следователь", 2012, N 8
28. Оноколов Ю.П., Латентные преступления, совершаемые в боевой обстановке // "Законность", 2011, N 10

29. Оноколов Ю.П., На официальную и латентную преступность в войсках влияет качество их комплектования // "Военно-юридический журнал", 2010, N 10
30. Оноколов Ю.П., Несовершенство военного права способствует зарегистрированной и латентной преступности военнослужащих // "Военно-юридический журнал", 2010, N 6
31. Оноколов Ю.П., Осуществление деятельности по предупреждению преступности в армии требует учета латентных преступлений // "Военно-юридический журнал", 2011, N 3
32. Панов С.Л., Латентная преступность, связанная с функционированием залов игровых автоматов // "Право и политика", 2006, N 7
33. Преступность в Российской Федерации в начале XXI века: состояние и перспективы. М., 2004.
34. Реформа Вооруженных Сил - наша общая забота. Отечество. Честь. Долг: Учебное пособие по общественно-государственной подготовке для офицерского состава / Под общ. ред. Е.В. Савостьянова. Ростов н/Д: Военный вестник Юга России, 1998.
35. Рохлин Л. В засаду попала Армия // Советская Россия. 1996. 5 мая.
36. Спекулятивная дедовщина // Независимое военное обозрение. 2010. 25 июня - 1 июля. N 23.
37. Фалеев М. Бить стали меньше // Российская газета. 2010. 28 июля. N 165.
38. Филиппова О.С., О латентных крупных сделках хозяйственных обществ: постановка проблемы // "Вестник Арбитражного суда города Москвы", 2010, N 6
39. Чурилов Ю.. Латентное оправдание // "ЭЖ-Юрист", 2007, N 50
40. Эминов В.Е., Мацкевич И.М. Преступность военнослужащих. М., 1999.